

Александровъ
ДИОМА

Александр Дюма

Актея

OCR Pirat

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132862

Исаак Лакедем; Актея: АРТ-Бизнес-Центр; Москва; 1997

ISBN 5-7287-0045-4

Аннотация

Роман Дюма «Актея» («Акте») хронологически продолжает «Исаака Лакедема», хотя написан задолго до него и представляет собой самостоятельное произведение.

Героиня романа – гречанка Актея – имеет мало общего со своим историческим прототипом. Реальная Актея (годы жизни неизв.) была вольноотпущенницей Нерона и, вероятно, первой его любовницей – скорее всего до его восшествия на престол. Император привязался к ней и даже собирался на ней жениться. Актея платила ему взаимностью, не забыв царственного возлюбленного и после его смерти. Сама она, насколько можно судить, надолго пережила его. О ее характере почти ничего не известно, она старалась держаться подальше от государственных дел, хотя и принимала участие, возможно косвенное, в некоторых придворных интригах. По существу, все события в романе, касающиеся Актеи (но не Нерона) вымышлены Дюма.

Содержание

I	4
II	20
III	44
IV	58
V	71
VI	85
VII	103
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Александр Дюма

Актея

I

В седьмой день месяца мая, который греки называют таргелион, в году пятьдесят седьмом от Рождества Христова и восемьсот десятом от основания Рима юная девушка лет пятнадцати-шестнадцати, высокая, красивая и быстрая в движениях, словно Диана-охотница, вышла из западных ворот Коринфа¹ и направилась на берег моря. Дойдя до лужайки, спускавшейся от опушки оливковой рощи к ручью, затененному померанцами и олеандрами, она остановилась и принялась собирать цветы. Вначале она колебалась, что ей рвать: фиалки и цветы шпажника, растущие под сенью деревьев Минервы, или же нарциссы и кувшинки, видневшиеся по берегам и на поверхности воды? Наконец она выбрала последние и, прыгнув, словно молодая лань, побежала к ручью.

На берегу она остановилась; от быстрого бега расплелись ее длинные волосы; она встала на колени, погляделась в воду и улыбнулась, увидев себя. И в самом деле, это была одна из

¹ Эти ворота Коринфа назывались Лехейскими и вели в одноименную гавань, откуда приплывали корабли из Италии.

прекраснейших дев Ахайи,² с полными неги черными глазами, ионическим носом.³ и розовыми, будто коралл, губами; ее тело, крепкое, как мрамор, и гибкое, как тростник, напоминало статую Фидия, оживленную Прометеем⁴ Лишь ступни ног, на вид слишком маленькие, чтобы выдержать вес девушки ее роста, казались несоразмерными; это можно было бы счесть недостатком, если бы кто-нибудь вздумал поставить в вину юному созданию подобное несовершенство. И даже нимфа Пирена, предоставившая ей зеркало своих слез, хоть и женщина, а не смогла лишить себя удовольствия воспроизвести этот образ во всей его прелести и чистоте. После минуты немого созерцания девушка разделила волосы на три пряди; те, что росли у висков, заплела в косы, соединила их на макушке и закрепила венком из олеандров и цветов померанца, который уже успела свить, и, оставив волосы сзади распущенными, словно грива на шлеме Паллады,⁵

² Ахайя – историческая область на севере Пелопоннеса; после римского завоевания в середине II в до н. э. вся Южная и Средняя Греция была объединена в римскую провинцию под названием Ахайя; административным центром ее был Коринф.

³ Ионический (ионийский) нос – то же, что греческий: его линия идет ото лба прямо вниз.

⁴ Согласно мифам, именно Прометей вдохнул душу людям.

⁵ Паллада – одно из прозваний богини Афины, произведенное от имени гиганта Палланта; во время гигантомахии Афина содрала с него кожу и прикрывалась ей в бою как щитом. Афина почиталась в Греции как покровительница и защитница городов, в т. ч. от военного нападения, поэтому ее обязательные атрибуты: щит, копье и шлем с высоким султаном из конского хвоста.

наклонилась, чтобы утолить жажду, ведь за этим и пришла она на край лужайки; и все же, сколь ни велика была жажда, девушка поддалась другому, еще более сильному желанию – стремлению убедиться, что она по-прежнему прекраснейшая из дочерей Коринфа. И вот живое лицо и отражение постепенно сблизились; можно было подумать, будто две сестры, нимфа и наяда, соединяются в нежном объятии: их губы соприкоснулись среди влаги, поверхность воды дрогнула, легкий бриз, пронесшись в воздухе, словно сладострастное дуновение, осыпал ручей розовым душистым дождем лепестков, и течение понесло их к морю.

Встав, девушка взглянула на залив и на мгновение замерла, захваченная открывшимся ей зрелищем: подгоняемая ветром с Делоса,⁶ к берегу приближалась галера с двумя рядами весел, с позолоченной кормой и окрашенными в пурпур парусами. Хотя корабль был еще в четверти мили от берега, с него доносились голоса матросов, певших гимн Нептуну. Девушка узнала фригийский лад, на котором сочинялись священные гимны;⁷ однако звуки, доносившиеся до нее,

⁶ Делос – маленький остров в центре архипелага Киклады, торговый центр в Эгейском море; лежит к востоку от Коринфа. Непонятно, как восточный ветер мог подгонять судно к западному побережью.

⁷ Античная музыка резко отличалась от новоевропейской и была основана не на семи нотах, а на четырех нисходящих звуках – тетрахордах; соотношения этих тетрахордов образовывали лады. Всего было семь ладов, из них три основные (дорийский, фригийский и лидийский) и четыре смешанные. Дорийский лад считался самым спокойным, уравновешенным, умиротворяющим чувства и употреблялся в гимнах Аполлону; фригийский (от области Фригия в Малой Азии) – воз-

были непохожи на резкие голоса калидонских⁸ или кефалленийских⁹ рыбаков: хотя ветер рассеивал и приглушал их, они казались столь же искусными и так же ласкали слух, как песни жриц Аполлона. Привлеченная этой мелодией, юная коринфянка встала, сорвала несколько цветущих веток померанца и олеандра, чтобы сплести еще один венок и на обратном пути возложить его в храме Флоры, которой был посвящен месяц май; затем неспешной походкой, выдававшей любопытство и в то же время робость, она пошла к берегу моря, на ходу свивая душистые ветви, сорванные у ручья.

Бирема,¹⁰ между тем приближалась к берегу, и теперь девушка могла не только слышать голоса, но и видеть лица поющих; песнь представляла собой моление, обращенное к Нептуну: его вначале исполнял корифей¹¹ а затем подхватывал хор, и ритм его был таким мягким и таким гармоничным, что оно вторило мерным движениям гребцов, налегавших на весла, и самих весел, ударявших о воду. Тот, кому отвечал хор, и кто, по-видимому, был хозяином судна, стоял на носу и аккомпанировал себе на трехструнной кифаре,

буждающим, экстатическим и употреблялся в гимнах Дионису; лидийский был промежуточным между экстатическим и спокойным.

⁸ Калидон – город на северном берегу Коринфского залива (в Этолии).

⁹ Кефалления (соврем. Кефалиния) – остров к западу от входа в Коринфский залив.

¹⁰ Бирема – гребное судно с двумя рядами весел.

¹¹ Корифей – здесь: предводитель хора в древнегреческой трагедии, вступающий в непосредственный контакт с актерами.

вроде той, с которой ваятели изображают Эвтерпу, покровительницу гармонии;¹² у ног его лежал раб в длинном азиатском одеянии, которое могло принадлежать как мужчине, так и женщине, поэтому девушка на берегу не могла понять, кто это. Поющие гребцы стояли возле своих скамей и хлопали в такт: они благодарили Нептуна за попутный ветер, давший им передышку.

Два столетия тому назад это зрелище привлекло бы внимание разве что ребенка, собирающего раковины на песчаном берегу, теперь же оно вызвало крайнее изумление у юной девушки. Теперешний Коринф уже не был, как во времена Суллы, братом и соперником Афин. В году шестьсот восьмом от основания Рима консул Муммий взял город штурмом, граждане его погибли от меча, женщины и дети были проданы в рабство, дома сожжены, стены разрушены, статуи отправлены в Рим, а картины, за одну из которых Аттал,¹³ некогда предлагал миллион сестерциев, служили подстилками римским солдатам: однажды Полибий¹⁴ застал их

¹² Неточность: во-первых, минимальное число струн на кифаре – четыре; во-вторых, музы – покровительницы гармонии не существовало. Муза лирической поэзии Эвтерпа изображалась с двойной флейтой, а кифара была атрибутом Эрата – музы любовной поэзии.

¹³ Аттал – имя нескольких царей Пергама; здесь имеется в виду Аттал II (правил в 160–139 гг. до н. э.).

¹⁴ Полибий (ок. 200 – ок. 120 до н. э.) – греческий историк и государственный деятель, один из руководителей Ахейского союза; после Третьей Македонской войны, в которой Ахейский союз не принял участия, был все же отправлен заложником в Рим. Там он сблизился с образованными и влиятельными римляна-

играющими в кости на творении Аристида. Восемьдесят лет спустя Юлий Цезарь выстроил город заново¹⁵ окружил его стенами, основал в нем римскую колонию, и Коринф снова начал возвращаться к жизни, но до прежнего величия было еще далеко. С целью как-то поднять значение города римский проконсул объявил о проведении с десятого мая в Коринфе Немейских,¹⁶ Истмийских и Флоралийских,¹⁷ игр¹⁸

ми и начал писать «Всемирную историю» (частично дошла до нас), охватывавшую события в Малой Азии, Греции, Македонии, Риме и других странах с 280 по 146 г. до н. э. (упомянутый эпизод в этой книге и изложен: XXXIX, 13, 3); стал сторонником проримской ориентации греческих полисов, но всячески старался смягчить положение побежденных (за это коринфяне поставили ему статую). Здесь имеется в виду художник Аристид Старший (IV в. до н. э.); до нас дошло описание только одной его картины: изображена умирающая на поле битвы мать, к груди которой припал младенец.

¹⁵ Цезарь дал указание отстроить Коринф сто лет спустя после его разрушения, а не восемьдесят.

¹⁶ Немейские игры – общегреческие игры, проводившиеся с VI в. до н. э. в Немейской долине в Арголиде (северо-восточный Пелопоннес); включали спортивные и музыкальные состязания.

¹⁷ Флоралии – римские празднества в честь богини Флоры; по преданию, учреждены в VIII в. до н. э., но известны лишь с 173 г. до н. э.; представляли собой веселый, даже разнузданный праздник, в котором состязания играли не главную роль.

¹⁸ После прихода к власти Август присвоил себе должность «постоянного проконсула» и разделил провинции на две группы: императорские – там находились войска, оттуда доходы шли в собственную казну императора (фиск), и он правил там через назначенных им на неопределенный срок наместников (легатов); и сенатские, где войск не было, доходы поступали в сенатскую казну (эрарий) и власть осуществляли по-прежнему проконсулы (консулы уже, впрочем, не избирались народом, а назначались формально сенатом, фактически же – императо-

на которых он должен был увенчать победителей – самого могучего атлета, самого умелого возницу и самого искусного певца. По этой причине вот уже несколько дней разноплеменная толпа чужестранцев стекалась в столицу Ахайи, привлеченная либо простым любопытством, либо желанием завоевать награды; это обстоятельство на короткое время вернуло обескровленному, ограбленному городу былой блеск и оживление. Одни прибывали на колесницах, другие – верхом, третьи приплывали на нанятых или выстроенных ими судах; но никто из них не входил в гавань на столь богато украшенном судне, как то, что в эту минуту коснулось берега, который некогда оспаривали друг у друга влюбленные в него Аполлон и Нептун. Как только бирему вытащили на песок, матросы приставили к ее носовой части лесенку из лимонного дерева, выложенную серебром и бронзой, и певец, перекинув кифару за спину, сошел на берег, опираясь на раба, до этого лежавшего у его ног. Первый из них был красивый молодой человек лет двадцати семи – двадцати восьми, белокурый, голубоглазый, с золотистой бородой; одет он был в пурпурную тунику и синюю хламиду,¹⁹ расшитую золотыми звездами; на шее у него был повязан шарф, концы которого свешивались до пояса. Другой казался лет на десять моложе: это был отрок на пороге юности; походка его была

ром). Ахайя была сенатской провинцией.

¹⁹ Хламида – здесь: плащ из плотной шерстяной материи, надеваемый поверх хитона; одежда солдат и путешественников.

медленной, весь облик – болезненным и печальным, и все же свежесть его щек вызвала бы зависть у самой цветущей женщины; его розовая прозрачная кожа тонкостью могла бы поспорить с кожей самых сладострастных дев изнеженных Афин, а его белая пухлая рука по своим очертаниям и своей слабости, казалось, была предназначена скорее крутить веретено или держать иглу, чем носить меч или дротик, как подобает мужчине и воину. Как мы уже сказали, он был в белом одеянии, длиною до колен, расшитом золотыми пальмовыми ветвями; его длинные волосы ниспадали на обнаженные плечи, а на шее висело на золотой цепочке маленькое зеркало в оправе из жемчужин.

В то мгновение, когда он собирался ступить на землю, спутник резко остановил его. Юноша вздрогнул.

– Что случилось, господин? – спросил он тихо и боязливо.

– А то, что ты собирался ступить на берег левой ногой, и эта твоя неосторожность могла свести на нет все мои расчеты, благодаря которым мы прибыли сюда в девятый день нон,²⁰ а это доброе предзнаменование.

– Ты прав, господин, – ответил юноша, ступив на берег правой ногой; его спутник сделал то же самое.

– Чужестранец, – сказала старшему из путешественников дева (она слышала их слова, произнесенные на ионийском

²⁰ В римском календаре ноны – седьмой день марта, мая, июля и октября и пятый день остальных месяцев.

наречии²¹), – земля Греции, какой ногой на нее ни ступишь, благоприятствует всякому, кто прибывает на нее с дружескими намерениями: это земля любви, поэзии и сражений; у нее есть венки для влюбленных, для поэтов и для воинов. Кем бы ты ни был, чужестранец, прими этот венок в ожидании того, другого, за которым ты, как видно, сюда явился.

Молодой человек без колебаний принял и надел венок, что дала ему коринфянка.

– Боги благосклонны к нам! – воскликнул он. – Взгляни, Спор, вот померанец, яблоня Гесперид: его золотые плоды даровали победу Гиппомену, замедлив бег Аталанты,²² а вот олеандр, дерево, любимое Аполлоном. Как зовут тебя, славная пророчица?

– Меня зовут Актея, – покраснев, ответила девушка.

²¹ В Древней Элладе существовало несколько диалектов; основными из них были ионийский, распространенный в Малой Азии и в Аттике, эолийский – в Средней Греции, дорийский (спартанский) и ахейский. В основу литературного языка был положен аттический говор ионийского диалекта.

²² Весьма распространенный анахронизм. Померанцы – апельсины – не были известны в Европе в древности и появились лишь в эпоху крестовых походов (XI–XIII вв.). Передавая предание об Аталанте, Дюма смешивает два мифа. Дочь аркадского (Аркадия – область в центре Пелопоннеса) героя Иаса (называются и другие имена) Аталанта славилась быстротой ног. Не желая выходить замуж, она заявила, что отдаст руку тому, кто победит ее в беге. Это удалось Гиппомену (вариант: Меланиону), который на бегу разбрасывал золотые яблоки, подаренные ему Афродитой; Аталанта замедляла бег, подбирая их, и проиграла состязание. Однако в дошедших до нас текстах ничего не говорится о том, что это были именно те, дарующие вечную молодость золотые яблоки, которые росли на далеком западе в саду, охраняемом драконом и нимфами Гесперидами.

– Актея! – воскликнул старший из путешественников. – Слышишь, Спор? Вот новое предзнаменование: Актея означает «берег». Значит, земля Коринфа ждала меня, чтобы наградить венком.

– Что же тут удивительного, Луций? Разве это не назначено тебе судьбой? – ответил юноша.

– Насколько я понимаю, – робко вмешалась девушка, – ты прибыл сюда, чтобы оспаривать одну из наград, обещанных победителям римским проконсулом?

– Помимо красоты, боги наделили тебя даром ясновидения, – отозвался Луций.

– Должно быть, у тебя есть родственники в городе?

– Вся моя семья находится в Риме.

– Ну тогда, быть может, какие-нибудь друзья?

– Мой единственный друг стоит перед тобой, и он, как и я, чужой в Коринфе.

– Но есть ли у тебя здесь хотя бы знакомые?

– Никого.

– У нас большой дом, и мой отец любит гостей, – продолжала девушка. – Быть может, Луций удостоит нас своим посещением? Мы будем молить Кастора и Поллукса быть к нему благосклонными...²³

²³ Эти неразлучные братья были гордостью Спарты: Кастор был знаменит как воин и укротитель лошадей, а Полидевк был непревзойденным кулачным бойцом; оба завоевывали призы на Олимпийских играх.

– А ты, девушка, не их ли сестра, не Елена?²⁴ – улыбаясь, перебил ее Луций. – Рассказывают, будто она любила купаться в источнике где-то неподалеку отсюда. Как видно, этот источник обладал чудесным свойством – продлевать жизнь и сохранять красоту. Наверно, Венера открыла эту тайну Парису,²⁵ а Парис доверил ее тебе. Если это так, прекрасная Актея, отведи меня к этому источнику: повстречав тебя однажды, я теперь хочу жить вечно, чтобы видеть тебя всегда.

– Увы! Я не богиня, – отвечала Актея, – и ключ Елены не обладает такой чудесной силой, но, как ты правильно сказал, он недалеко отсюда: гляди, всего в нескольких шагах он низвергается со скалы в море.

– Значит, этот храм возле источника посвящен Нептуну?

– Да, и эта сосновая аллея ведет к стадиону. Говорят, прежде здесь перед каждым деревом стояла статуя. Но Мумий забрал их, и они навсегда покинули мою родину, чтобы отправиться на твою. Пойдем по этой аллее, Луций, – улыбаясь, продолжала девушка, – она ведет к дому моего отца.

– Что ты думаешь об этом предложении, Спор? – спросил молодой человек, перейдя с греческого языка на латинский.

– Что твоя счастливая судьба не давала тебе оснований сомневаться в ее постоянстве.

²⁴ Имеется в виду дочь Зевса и спартанской царицы Леды, сестра Кастора и Поллукса, жена царя Спарты Менелая, виновница Троянской войны Елена Прекрасная.

²⁵ Парис – троянский царевич, похитивший Елену.

– Ну что ж, доверимся ей и на этот раз, ведь никогда еще она не являлась в таком влекущем и чарующем облике.

Затем, снова перейдя на ионийское наречие, на котором он говорил необычайно чисто и правильно, Луций сказал:

– Веди нас, девушка, ибо мы готовы следовать за тобой, а ты, Спор, прикажи Либику присматривать за Фебой.

Актея пошла впереди, в то время как юноша, выполняя приказ своего господина, поднимался на корабль. Дойдя до стадиона, она остановилась:

– Взгляни, – сказала она Луцию, – вот гимнасий.²⁶ Он уже полностью подготовлен, даже пол посыпан песком, ведь игры начнутся послезавтра, и начнутся с состязания борцов. Справа, на том берегу ручья, в конце сосновой аллеи, – ипподром. Как ты знаешь, второй день игр будет посвящен гонкам колесниц. И наконец, вон там, на склоне холма, ближе к крепости, находится театр, где будут состязаться певцы. Какой из трех венков будет оспаривать Луций?

– Все три, Актея.

– Ты честолюбив, чужестранец.

– Число три любезно богам, – заметил Спор, успевший присоединиться к своему спутнику, и путешественники, ведомые прекрасной коринфянкой, продолжали свой путь.

Недалеко от города Луций остановился.

²⁶ Гимнасий (от гр. *gymnos* – «обнаженный») – в античном мире помещение для физических упражнений; греки занимались спортом обнаженными (отсюда и название).

– Что это за источник? – спросил он. – И что это за разбитые барельефы? Мне кажется, они восходят к временам наивысшего расцвета Греции.

– Это источник Пирены, – ответила Актея. – Ее дочь была убита Дианой на этом самом месте, и богиня, видя горе матери, превратила Пирену в источник,²⁷ когда та оплакивала дочь, упав на ее тело. А создателем этих барельефов был Лисипп,²⁸ ученик Фидия.

– Взгляни, Спор, – восторженно воскликнул молодой человек с лирой, – взгляни, какой великолепный замысел! Какая выразительность! Это сражение Улисса с искателями руки Пенелопы, не правда ли? Посмотри, как правдиво умирает этот раненый, как он корчится, как страдает. Стрела торчит у него прямо под сердцем; попади она чуть выше – и не было бы этих смертных мук. О, ваятель был большой искусник, он знал свое дело. Я прикажу перевезти этот мрамор в Рим или в Неаполь, пускай стоит в моем атрии. Таких предсмертных мук я не видел даже у живых людей.

– Это один из остатков нашего былого великолепия, – сказала Актея, – город высоко ценит его и гордится им; подобно матери, потерявшей прекраснейших детей, он дорожит теми, что остались. Вряд ли ты, Луций, достаточно богат, чтобы купить этот обломок.

²⁷ Миф изложен здесь неточно.

²⁸ Лисипп (изв. во второй пол. VI в. до н. э.), придворный скульптор Александра Македонского, не мог быть учеником Фидия, жившего веком ранее.

– Купить! – ответил Луций с неизъяснимым пренебрежением. – Зачем мне его покупать, если я могу просто взять его? Если я хочу получить этот мрамор, он будет мой, хоть бы весь Коринф был против! (Спор сжал руку своего господина.) Другое дело, – продолжал он, – если прекрасная Актея скажет мне, что она желает, чтобы этот рельеф остался на ее родине.

– Не понимаю, откуда у тебя такая власть, Луций, и столь же трудно понять, откуда она у меня, но все же я благодарна тебе. Оставь нам наши обломки, римлянин, и не довершай дела своих отцов. Они пришли как победители, а ты приходишь как друг. То, что с их стороны было варварством, с твоей было бы кощунством.

– Успокойся, девушка, – ответил Луций. – Я заметил, что в Коринфе есть нечто куда более ценное, чем рельеф Лисиппа, который, в сущности, не более чем мрамор. Когда Парис прибыл в Спарту, он похитил там не статую Минервы или Дианы, но Елену, прекраснейшую из спартанских женщин.

Под горящим взглядом Луция Актея опустила глаза и, продолжая свой путь, вошла в город; оба римлянина последовали за ней.

В эти дни к Коринфу вернулось его былое оживление. Известие об играх, что должны были там состояться, привлекло соискателей наград не только со всей Греции, но также из Сицилии, из Египта и из Азии. В каждом доме уже было по гостю, и двум римлянам было бы крайне затруднительно

найти себе пристанище, если бы Меркурий, покровитель путешественников, не послал им навстречу эту гостеприимную юную деву.

Она провела их по городскому рынку, где в тесноте и беспорядке продавалось все: египетские папирусы, льняные ткани, ливийские изделия из слоновой кости, киренские кожи, ладан и мирра из Сирии, карфагенские ковры, сидонские финики, тирский пурпур, фригийские рабы, кони из Селинунта, мечи кельтиберов,²⁹ галльские кораллы и карбункулы.³⁰ Затем, продолжая путь, они миновали площадь, где некогда возвышалась статуя Минервы – дивное творение Фидия,³¹ которое из уважения к великому ваятелю так и не

²⁹ Кельтиберы – обитатели Центральной и Западной Испании, образовавшиеся из смешения аборигенов-иберов и пришедших с севера во II тыс. до н. э. кельтских племен (ветвями кельтов были галлы и бритты); кельты и кельтиберы на Пиренейском полуострове после римского завоевания III–I вв. до н. э. растворились среди других народов, а потомки собственно иберов – баски – живут на севере Испании и юго-западе Франции доныне. Карбункулы – драгоценный камень: красный фанат.

³⁰ Дюма заимствует приведенный список товаров из дошедшего до нас отрывка комедии афинского драматурга Гермиппа, а реалии V в. до н. э., времени Гермиппа, и I в. н. э., когда происходит действие «Актеи», не совпадали. Так, Карфагена как отдельного государства уже не существовало: в результате Второй Пунической войны он был в 146 г. до н. э. разрушен, его население было частью перебито, частью продано в рабство, и искусство ковроткачества пришло в упадок. Ливией в античности называли не только территорию, где находится ныне одноименное государство, но и всю Африку. Кирена – главными продуктами экспорта оттуда были хлеб (климат там был тогда не столь засушливый, как ныне), лекарственное растение сильфий и бычьи кожи.

³¹ Неизвестно, то ли ее увез Муммий, то ли она сгорела.

решились ничем заменить, – свернули на одну из улиц и еще через несколько шагов остановились перед стариком, стоявшим на пороге своего дома.

– Отец, – сказала Актея, – вот гость, которого посылает нам Юпитер. Я встретила его, когда он сходил с корабля, и предложила ему остановиться у нас.

– Добро пожаловать, златобородый юноша, – сказал в ответ Амикл и, одной рукой отворяя дверь, протянул другую Луцию.

II

На следующий день после того, как дверь Амикла открылась для Луция, молодой римлянин, Актея и ее отец возлежали в триклиннии.³² за празднично накрытым столом и готовились бросить жребий, кому быть царем пира³³ Старик и девушка хотели уступить эту честь гостю; но он, то ли из суеверия, то ли из почтения к ним, отказался от венка, и тогда хозяева велели принести тали.³⁴ Первым рожок взял старик, у него получился «бросок Геркулеса». Затем бросила кости Актея: у нее получился «бросок колесницы». Наконец настал черед молодого римлянина. Он взял рожок с видимым беспокойством, долго встряхивал его, дрожащей рукой опрокинул над столом и вскрикнул от радости – это был

³² Триклинний – обеденный зал у греков и римлян. Название произведено от особой столовой мебели, также называвшейся триклинний (гр. tri kline – «три ложа»): столик, на который ставилась посуда, и три ложа с трех сторон этого столика (в античности сотрапезники возлежали); четвертая сторона оставалась свободной, чтобы мог подойти раб, разносящий кушанья и напитки.

³³ На античных застольях был обычай выбирать «царя» пира. Этот царь должен был, в частности, определять, сколько чаш вина надо выпить гостям. Выбор часто осуществлялся бросанием игральных костей.

³⁴ В античности употреблялись игральные кости двух видов: тессеры, во всем подобные современным, и тали (ед. ч. талус), у которых две грани были пустые, а на четырех остальных были нанесены греческие буквы, имевшие числовое значение. В игре участвовало от двух до шести костей; сочетания выпавших букв могли носить имена богов, предметов и известных гетер.

«бросок Венеры»,³⁵ лучший из возможных.

– Видишь, Спор, – воскликнул он по-латински, – видишь, боги несомненно благоволят к нам, и Юпитер не забыл, что род наш восходит к нему: бросок Геркулеса, бросок колесницы и бросок Венеры – можно ли вообразить более удачное сочетание для того, кто хочет состязаться в борьбе, гонках и в пении, да и потом – в худшем случае – разве последний бросок не сулит мне двойную победу?

– Ты родился в счастливый день, – ответил юноша, – и солнце коснулось тебя перед тем, как ты коснулся земли: и в этот раз, как и во все предыдущие, ты победишь всех соперников.

– Увы! Было время, – вздохнув, сказал по-латински старик, – было время, когда Греция могла бы предложить противников, достойных оспаривать у тебя победу; но где те дни, когда Милон Кротонский на Пифийских играх был награжден шестью венками,³⁶ когда афинянин Алкивиад;³⁷ вы-

³⁵ Так назывался такой бросок костей, когда их верхние грани показывают разные количества очков.

³⁶ Вошедший в легенды знаменитый атлет из греческой колонии Кротон в Южной Италии многократно (в 532–516 гг. до н. э.) побеждал на Олимпийских, а также Пифийских играх (вторых по значимости играх в Древней Элладе, посвященных Аполлону и проводившихся в Дельфах раз в четыре года с VI в. до н. э.; основанные еще в VIII в. до н. э., проводились тогда раз в 8 лет; согласно мифам, были учреждены самим Аполлоном в память победы над чудовищным змеем Пифоном). До VI в. до н. э. Пифийские игры были исключительно музыкальными соревнованиями, а с VI в. до н. э. также и спортивными. Участие в подобных состязаниях считалось в Греции делом чести: победители получали не денежные

ставил на Олимпийских играх семь колесниц и завоевал четыре награды? Вместе со свободой Греция утратила ловкость и силу, и Рим начиная с Цицерона посылал к нам своих сынов, чтобы отнимать у нас все наши награды³⁸ так пусть Юпитер, от которого, как ты похваляешься, пошел твой род, покровительствует тебе, молодой человек! Ибо после чести увидеть, как победа достанется одному из моих сограждан, самое большое удовольствие для меня – увидеть, как ее удостоится мой гость; принеси же венки из цветов, дочь моя, пока у нас нет лавровых.

Актея вышла и вскоре вернулась с венком из мирта и шафрана³⁹ для Луция, венком из сельдерея и плюща для отца и венком из лилий и роз для себя. Кроме того, один из молодых рабов принес другие венки, побольше, и пирующие

награды, а венки из дубовых или лавровых листьев за победы в различных видах спорта: борьбе, бегу, прыжкам, метанию копья, диска и т. д.

³⁷ Алкивиад (ок. 450–404 до н. э.) – афинский политический деятель, полководец; во время борьбы Афин со Спартой переходил на сторону противника и обратно; известен как ученик Сократа; славился своим экстравагантным поведением, рассчитанным на то, что сегодня назвали бы политической рекламой. К этой же рекламе относилось и его участие в Олимпийских играх: в Греции почетные награды получали не только непосредственные участники состязаний, но и те, кто за свой счет снаряжал атлетов и возниц.

³⁸ Здесь имеются в виду не спортивные победы. Греция считалась отечеством непревзойденного ораторского искусства, но сами же греки признали, что Цицерон, занимавшийся сначала у греческих мастеров красноречия в Риме, а в 79–77 гг. до н. э. обучавшийся этому ремеслу в Элладе, превзошел своих учителей.

³⁹ Шафран – растение с подземными клубнями; его цветы дают желтую краску и пряную приправу.

надели их себе на шею. Актеля разместились на ложе справа, Луций занял консульское место,⁴⁰ а старик, стоя между дочерью и гостем, совершил возлияние и произнес молитву богам, затем в свою очередь возлег на ложе, говоря молодому римлянину:

– Как видишь, сын мой, мы не отступили от установленных правил, ибо число сотрапезников, если верить одному из наших поэтов, должно быть не менее числа граций, но и не должно превосходить число муз.⁴¹ Рабы, подавайте кушанья первой перемены!

Принесли нагруженный блюдами поднос; рабы стали поблизости, готовые повиноваться первому же знаку пирующих. Спор улегся у ног хозяина, чтобы тот мог вытирать руки о его длинные волосы, а сциссор⁴² приступил к своим обязанностям.

Когда принесли вторую перемену блюд и аппетит сотрапезников был отчасти утолен, старик остановил взор на госте и со старческим благодушием некоторое время разглядывал прекрасное лицо Луция, кому белокурые волосы и золотистая борода придавали необычайное выражение.

– Ты прибыл из Рима? – спросил он.

⁴⁰ На каждом из лож триклиния было по три места (по высоте), и эти места различались как более или менее почетные. «Консульским» называлось почетное последнее место на среднем ложе.

⁴¹ Вероятно, имеется в виду Гораций. Число муз – девять. Цезарь – здесь: император Цезарь Нерон.

⁴² Нарезатель кушаний. (Примеч. автора.)

– Да, отец мой, – ответил молодой человек.

– Из самого Рима?

– Я сел на корабль в гавани Остии.

– Боги по-прежнему хранят божественного императора и его мать?

– По-прежнему.

– Не готовится ли Цезарь выступить в поход?

– Сейчас нет такого народа, который бы восстал. Цезарь, властитель мира, дал миру покой, при котором расцветут искусства: он затворил врата в храме Януса⁴³ и взял в руки лиру, чтобы воспеть хвалу богам.

– А он не боится, что, пока он поет, царствовать будут другие?

– А! – нахмурился Луций. – Так, значит, и в Греции поговаривают о том, что император – дитя?

– Нет, но люди боятся, что он еще долго будет медлить со своим превращением в мужчину.

– Я думал, что он надел тогу совершеннолетнего на похоронах Британика.⁴⁴

⁴³ Янус – римский бог входов и выходов, ворот и дверей и всякого начала; изображался с двумя лицами: одно из них смотрит в прошлое, другое – в будущее (выражение «двуликий Янус» как обозначение нравственного двуличия – новоевропейского, а не античного происхождения). В особой, посвященной Янусу бронзовой арке в Риме были навешены ворота, которые высшее должностное лицо (сначала это был царь, затем – консул, потом – император) отворял во время войн и затворял при установлении мира.

⁴⁴ Обряд совершеннолетия свободного римлянина состоял, кроме прочего, в том, что достигший 16 лет юноша посвящал домашним богам свою детскую тогу

– Британик давно уже был приговорен к смерти Агриппиной.⁴⁵

– Да, но убил его Цезарь, я могу поручиться за это, верно ведь, Спор? Юноша поднял голову и улыбнулся.

– Он убил брата! – воскликнула Актея.

– Он воздал смертью сыну за смерть, уготованную матерью ему самому. Если ты об этом не знаешь, девушка, спроси отца, он, как видно, слышал об этих делах: Мессалина.⁴⁶ послала солдата убить Нерона в колыбели, и солдат уже хотел нанести удар, как вдруг из постели ребенка выползли две

– у знати она была окаймлена алой полосой – и надевал тогу взрослого. Нерон провел этот обряд в возрасте 14 лет, в 51 г. (т. е. до смерти Британика – см. след. примеч.), с разрешения Клавдия и по наущению своей матери, Агриппины (см примеч. к с. 198), жены Клавдия.

⁴⁵ У Клавдия от Мессалины (см. след. примеч.) был сын, Клавдий Тиберий Германик (ок. 42–55), получивший прозвище Британик, т. е. Британский, в честь побед (на самом деле вымышленных) Клавдия в Британии. Вслед за женитьбой на Агриппине Клавдий усыновил Нерона, и у него оказалось сразу два законных наследника. После смерти Клавдия Агриппина добилась провозглашения императором Нерона, но Британик сохранил права на наследство. Отношения Нерона с матерью постепенно портились, и однажды она в гневе заявила сыну, что, кроме него, есть еще и Британик. Опасаясь сводного брата, которому должно было исполниться 14 лет (а прецедент провозглашения 14-летнего совершеннолетним уже был), Нерон решил отравить его. Ниже (см. ее. 491–492 настоящего романа) Дюма излагает подробности этого отравления, следуя Тациту.

⁴⁶ Мессалина (ок. 23–48) – третья жена императора Клавдия; снискала репутацию распутной, властной, коварной и жестокой женщины; была казнена с молчаливого согласия Клавдия за участие в заговоре против него. Упомянутый эпизод скорее всего вымысел, распространявшийся Агриппиной с целью вызвать сочувствие к юному Нерону.

змеи и обратили центуриона в бегство⁴⁷ Нет, нет, высокочтимый, успокойся, Нерон не дурак, как Клавдий,⁴⁸ не безумец, как Калигула, не трус, как Тиберий, и не гистрион,⁴⁹ как Август.

– Сын мой, – ужаснулся старик, – послушай себя, ты же оскорбляешь богов!

– Клянусь Геркулесом, до чего смешны боги! – воскликнул Луций. – Ну, разве не забавен бог Октавиан,⁵⁰ который

⁴⁷ Если верить Светонию, слух о том, что на центуриона напала змея (Светоний пишет только об одной), возник не случайно, поскольку около колыбели Нерона нашли сброшенную змеиную кожу, из которой он впоследствии сделал амулет.

⁴⁸ Разговоры о глупости Клавдия распространялись Нероном и его окружением. На самом деле Клавдий, робкий, нерешительный и не обладавший государственным умом человек, был весьма образован и являлся, насколько можно судить, ибо его труды не дошли до нас, весьма способным историком.

⁴⁹ Гистрион – актер в Древнем Риме. Август всю жизнь, с юных лет заботился только о власти и никому, никогда и ни при каких обстоятельствах не открывал своих подлинных мыслей и говорил и делал то и только то, что требовалось обстоятельствами; даже с женой он разговаривал лишь по заранее подготовленному конспекту.

⁵⁰ Октавиан был физически слабым, болезненным человеком и, видимо, страдал каким-то заболеванием левой ноги, из-за чего слегка прихрамывал, отсюда и сравнение с Вулканом, греческим Гефестом, который дважды – отцом Зевсом и матерью Герой – за непочтительность сбрасывался с небес на землю, отчего охромел на обе ноги; Октавиан не обладал военным мужеством, но в стремлении к власти проявлял немалую крепость духа. В 44 г. до н. э. Август – тогда еще Гай Октавий Фурин, – находясь в Аполлонии Иллирийской, узнал об убийстве Цезаря и о завещании, в котором тот его усыновлял. Мать рекомендовала ему отказаться от опасного наследства, а находившиеся в Греции войска Цезаря советовали принять его. Октавий отправился в Италию, но не в Брундизий, главный порт, в который обычно прибывали корабли из Греции, а в небольшой городок

боялся жары и холода, боялся грома и явился из Аполлонии к старым легионам Цезаря, хромая, точно Вулкан! Вот так бог, чья рука была столь слаба, что порой не могла удержать перо; он прожил свой век, так и не осмелившись хоть раз по-настоящему быть императором, и перед смертью спросил, хорошо ли он сыграл свою роль! Разве не забавен бог Тиберий с его капрейским Олимпом,⁵¹ откуда он не смел высунуться и где сидел точно пират на бросившем якорь корабле, между Фрасиллом, заботившимся о его душе, и Хариклом, управлявшим его телом!⁵² Тиберий, кто правил миром и не мог простереть над ним крылья, словно орел, а вместо этого забился в расселину скалы, точно филин! Разве не забавен бог Калигула, кто от выпитого зелья помрачился в уме:⁵³ он считал себя столь же великим, как Ксеркс, оттого что выстроил мост из Путеол в Байи⁵⁴ и столь же могуще-

Лупин. Там он собрал сведения о политическом положении в Риме и отправился в Брундизий, где стояли войска, и перед ними и с их одобрения объявил себя наследником Цезаря, приняв имя Гай Юлий Цезарь Октавиан.

⁵¹ Затворившись на острове Капрее, Тиберий требовал, чтобы осужденных доставляли к нему и жестоко пытали перед казнью.

⁵² Около Тиберия находилось весьма немного людей, которым он доверял, и среди них – астролог Фрасилл и личный врач Харикл.

⁵³ По преданию, жена Калигулы Цезония дала ему напиток, который должен был вызвать любовь к ней, но возбудил безумие.

⁵⁴ Байи – город в Кампании, к западу от Путеол; был известен как курорт с серными источниками; место отдыха римской знати, известное распущенностью нравов, гнездилище пороков.

⁵⁵ Помимо явного садизма, в Калигуле была и мания величия. Он приказал пе-

ственным, как Юпитер, оттого что изображал грозу, катаясь в бронзовой колеснице по медному мосту;⁵⁶ он, кто называл себя женихом Луны!⁵⁷ и кого Херея и Сабин двадцатью ударами меча послали справлять свадьбу на небо⁵⁸ Разве не забавен бог Клавдий, кого однажды искали на троне, а нашли за ковром;⁵⁹ раб и игрушка четырех жен, самолично подпи-

рекрыть в Южной Италии залив между приморскими городами Байи и Путеолы (см. там же) плотным рядом судов, проложить на них мостики и все это засыпать землей. Современники объясняли такой экстравагантный поступок по-разному. По одной версии, Калигула хотел превзойти персидского царя Ксеркса, который построил во время похода на Грецию через Геллеспонт понтонный мост длиной в 2 км: залив между Байями и Путеолами шириной 3,6 км. По другой версии, Калигула хотел опровергнуть астролога Фрасилла, заявлявшего, что Калигула скорее проскачет на коне Байский залив, чем станет императором.

⁵⁶ Калигула требовал себе божеских почестей и объявил себя Юпитером Громовержцем.

⁵⁷ Калигула публично обращался к Луне, призывая ее разделить с ним ложе.

⁵⁸ Сумасшедший император был убит двумя трибунами (здесь: офицерами среднего ранга) преторианцев – Кассием Хереей и Корнелием Сабиним. По одним сведениям, Херея ударил Калигулу мечом в затылок, а Сабин – в грудь; по другой – с Сабиним и Хереей было еще несколько центурионов, и всего они нанесли Калигуле около 30 ударов. Заговорщики убили также жену Калигулы Цезонию и их двухлетнюю дочь Юлию Друзиллу. Херея и Сабин были казнены после воцарения Клавдия.

⁵⁹ Клавдий в царствования Тиберия и Калигулы, боясь этих подозрительных правителей, старался держаться как можно незаметнее и вообще не отличался храбростью. Во время убийства Калигулы он спрятался за занавеской и был обнаружен солдатом, который неожиданно для Клавдия приветствовал его как императора и отвел в лагерь преторианцев. Дело в том, что армия не относилась к Калигуле с такой ненавистью, как сенат и значительная часть жителей Рима, и заговор был делом узкого круга офицеров. После гибели Калигулы сенат собирался провозгласить республику, но римская чернь и войско были против и

савший брачный договор своей супруги Мессалины со своим же вольноотпущенником Силием!⁶⁰ Потешный бог, у кого при каждом шаге подгибались колени, при каждом слове шла пена изо рта, у кого запинался язык и тряслась голова!⁶¹ Аи да бог – жил, всеми презираемый, не умея внушать страх, и умер, поев грибов, собранных Галотом, очищенных Агриппиной и приправленных Локустой!⁶² О! Что и говорить, замечательные боги, и как же величественно должны они выглядеть на Олимпе рядом с Геркулесом, несущим палицу,

утвердили на престоле Клавдия, брата некогда весьма популярного в народе и армии Германика. Клавдий был человек нежестокий и крайне нерешительный, он не вызывал страха и потому возбуждал презрение.

⁶⁰ Клавдий был женат четырежды, с первыми двумя женами (Плавтией Ургуланиллой и Элией Петиной) развелся, третьей была Мессалина, четвертой – Агриппина. Мессалина при живом муже совершила брачный обряд с Гаем Силием (ум. в 48 г.), который был не вольноотпущенником, а человеком знатным, красавцем, сенатором и консулом, но Клавдий ничего не знал об этом, не желал знать (даже будучи осведомленным обо всем, понимая, что за этим кроется заговор против него, он никак не хотел отдавать никаких указаний, и приближенные Клавдия взяли на себя труд схватить и казнить Мессалину и ее любовника, причем сообщили императору лишь о ее смерти, не добавив, что она была насильственной), и никакого брачного договора не подписывал.

⁶¹ Сведения о внешности Клавдия не слишком достоверны; злые языки, особенно сам Нерон, явно преувеличивали его безобразие, хотя будущий император с детства был болезненным и не мог похвалиться особой красотой.

⁶² Насколько известно, Агриппина, четвертая жена (и одновременно племянница) Клавдия, желая доставить престол своему сыну Нерону, отравила мужа при помощи грибов, причем помогали ей в этом приближенный евнух императора Галот и знаменитая отравительница Локуста (она же приготовит яд, которым отравят Британика).

рядом с возницей Кастором⁶³ и кифаредом Аполлоном!

После этой неожиданной и кощунственной выходки Луция на несколько мгновений наступило молчание. Амикл и Актея с удивлением смотрели на гостя, и прерванная беседа еще не успела возобновиться, когда вошел раб и сообщил, что явился посланный от проконсула Гнея Лентула.⁶⁴ Старик спросил, к кому прибыл посланный: к хозяину или к его гостю. Раб отвечал, что это ему неизвестно, и ликтора ввели в дом.

Он прибыл к гостю: проконсул узнал, что в гавань вошел корабль, понял, что владелец корабля собирается оспаривать награды, и приказывал ему явиться во дворец префекта,⁶⁵ чтобы внести свое имя в список состязателей и заявить, какой из венков он будет оспаривать. Старик и Актея встали, слушая приказы проконсула; Луций же выслушал их, возлежа на пиршественном ложе.

Когда ликтор умолк, Луций вытащил из-за пазухи таблички слоновой кости, покрытые воском, на одной из них нацарапал острием стилета несколько строк,⁶⁶ припечатал таб-

⁶³ Кастор славился в античности как непревзойденный укротитель коней, а Аполлон считался покровителем искусств и изображался с кифарой.

⁶⁴ Гней Лентул – вымышленный персонаж: ни один из исторических деятелей по имени Гней Корнелий Лентул не занимал в указанном 57 г. должность проконсула Ахайи.

⁶⁵ Префект – здесь: проконсул.

⁶⁶ Неточность: стилет – небольшой тонкий кинжал. Здесь имеется в виду стиль (стилос) – остроконечная палочка, чаще всего металлическая, с шариком на об-

личку своим перстнем и отдал ее ликтору, приказав отнести ответ Лентулу. Удивленный ликтор колебался; Луций повелительно взмахнул рукой; солдат поклонился и вышел. Тогда Луций щелкнул пальцами, подзывая раба, протянул свой кубок виночерпию, наполнившему его, выпил часть вина за здоровье хозяина дома и его дочери, а остаток отдал Спору.

– Молодой человек, – сказал старик, первым нарушив молчание, – ты называешь себя римлянином, но мне трудно в это поверить; если бы ты жил в императорской столице, то лучше умел бы выполнять приказы представителей Цезаря: проконсул здесь столь же всевластен и столь же чтим, как Клавдий Нерон в Риме.

– Разве ты забыл, что в начале трапезы боги на время сделали меня равным императору, избрав царем пира? Видел ты когда-нибудь, чтобы царь спускался с трона и повиновался приказам проконсула?

– Так ты отказался повиноваться? – с ужасом спросила Актея.

– Нет, но я написал Лентулу, что, если ему так хочется узнать мое имя, узнать с какой целью я прибыл в Коринф, то он может прийти и сам спросить об этом.

– И ты думаешь, он придет? – воскликнул старик.

ратном конце. Для заметок, набросков древние использовали таблички, сделанные из дерева или слоновой кости, с невысокими бортиками по краям. Пространство между бортиками заполнялось воском; острым концом стила писали текст, шариком – стирали. Иногда таблички соединяли в некое подобие записной книжки или блокнота.

– Не сомневаюсь, – ответил Луций.

– Сюда, в мой дом?

– Прислушайся, – сказал Луций.

– А что?

– Вот он стучится в дверь: я узнаю звук фасций. Вели отворить, отец мой, и оставь нас одних.

Старик и его дочь в изумлении встали и сами пошли к двери; Луций остался лежать.

Он не ошибся: это действительно был сам Лентул. Взмокшее от пота лицо свидетельствовало о том, с какой поспешностью он явился на приглашение чужестранца; он торопливо и взволнованно спросил, где благородный Луций, и когда ему указали комнату, снял тогу и вошел в триклиний, закрыв за собой дверь, у которой тут же стали на страже ликторы.

Никто не узнал, что произошло во время этого свидания. Проконсул удалился не ранее чем через четверть часа; Луций вышел в перистиль и присоединился к прогуливающимся там Амиклу и Актее. Его лицо было спокойным и приветливым.

– Отец мой, – сказал он, – вечер сегодня прекрасный, не хочешь ли проводить твоего гостя к крепости, откуда, говорят, открывается великолепный вид? Кроме того, я очень желал бы убедиться, что приказ Цезаря выполнен: ведь он, узнав, что игры будут проводиться в Коринфе, отправил сюда древнюю статую Венеры, дабы она благоприятствовала римлянам, что придут сюда состязаться с вами за венки.

– Увы, сын мой, – ответил Амикл, – я уже слишком стар, чтобы служить проводником, но у нас есть Актея, легконогая, словно нимфа, она и проводит тебя.

– Благодарю, отец мой, я не попросил об этом одолжении из страха, что Венера позавидует красоте твоей дочери и в отместку навредит мне; но раз ты сам мне это предлагаешь, то я наберусь духу и соглашусь.

Актея залилась румянцем, улыбнулась и по знаку отца побежала за покрывалом. Вернулась она закутанная столь же тщательно, как добродетельная римская матрона.

– Принесла ли сестра моя обет богам или, быть может, она – о чем я и не догадывался – жрица Минервы, Дианы или Весты? – спросил Луций.

– Нет, сын мой, – сказал старик, взяв его за руку и отведя в сторону. – Но ты, наверно, знаешь, что Коринф – город гетер: в память о том, что их заступничество спасло город от нашествия Ксеркса, мы запечатлели их на картине, подобно тому, как афиняне написали портреты своих полководцев после Марафонской битвы. С тех пор мы так боимся остаться без них, что покупаем их в Византии, на островах Архипелага и даже в Сицилии.⁶⁷ Их узнают по открытому

⁶⁷ Византии – город на европейском берегу Босфора Фракийского (ныне – Босфорский пролив), основанный в первой половине VII в. до н. э. выходцами из Мегар. В 324 г. император Константин I Равноапостольный повелел воздвигнуть на месте Византия город, ставший в 330 г. новой столицей Империи. Следует отметить, что новая столица до последних своих дней официально именовалась Новым Римом, в поэзии и нередко в быту – градом Константина (Константино-

лицу и открытой груди. Не беспокойся, Актея вовсе не жрица Минервы, Дианы или Весты; однако она боится, как бы ее не приняли за служительницу Венеры, – и он добавил погромче: – Идите, дети мои; когда взойдете на вершину холма, ты, Актея, покажешь гостю памятные места и расскажешь о славном прошлом Греции, свидетелями которого они были. Единственное благо, какое остается рабу и какое не могут отнять у него хозяева, – это память о временах, когда он был свободен.

Луций и Актея отправились в путь; вскоре они достигли северных городских ворот и пошли по дороге, ведущей к крепости. С птичьего полета крепость казалась близко – едва ли в пятистах шагах от города, однако дорога так петляла, что им понадобилось не менее часа, чтобы ее пройти. В пути Актея останавливалась дважды: первый раз – чтобы показать Луцию могилу детей Медеи; второй раз – чтобы он увидел место, где некогда Беллерофонт получил в дар от Минервы коня Пегаса. Наконец они дошли до крепости, и перед входом в стоящий у крепости храм Луций увидел знакомую ему статую Венеры, всю увешанную блистающим оружием; справа от нее – статую Амура, а слева – статую Солнца, бога, которого первым стали почитать в Коринфе.⁶⁸ Луций простер-

полем) или Царствующим Городом (ср. рус. Царьград), но никогда – Византией. Название «Византийская империя» изобретено историками XVIII в., чтобы отличать «хорошую» древнюю Римскую империю от «плохой» средневековой. Архипелагом в древности именовали острова Эгейского моря.

⁶⁸ В отличие от многих народов мира, греки и римляне большую часть своей

ся ниц и вознес молитву.

Почтив богов, Луций и Актея пошли по тропинке, пере-секавшей священную рощу и вела на вершину холма. Вечер выдался великолепный, небо было безоблачно, а море спокойно. Коринфянка шла впереди и казалась Венерой, ведущей Энея по дороге в Карфаген;⁶⁹ Луций шел позади, вдыхая воздух, напоенный благоуханием ее волос. Время от времени она оборачивалась и, поскольку, выйдя из города, она сдвинула покрывало на плечи, горящий взор римлянина не мог оторваться от прелестного лица, которому ходьба прида-ла живости, и груди, которая высоко вздымалась под легким покровом туники. По мере того как они поднимались, рас-стилавшийся перед ними вид становился все пространнее. Наконец, добравшись до самой высокой точки холма, Актея остановилась под шелковицей и прислонилась к ее стволу, чтобы перевести дыхание.

– Вот мы и пришли, – сказала она Луцию. – Что ты ска-жешь об этом виде? Не правда ли, он не уступает тому, что открывается из Неаполя?

истории (до начала активного воздействия восточной культуры в Греции в III в. до н. э., в Риме – во II в. н. э.) не имели развитого культа солнечных божеств. Бог Солнца Гелиос почитался мало в сравнении с другими божествами. В Коринфе его культ был связан скорее с почитанием его внучки, Медеи, которая после убийства детей улетела из Коринфа на колеснице Гелиоса.

⁶⁹ Сцена из Вергилия: мать Энея, богиня Венера, приняв облик прекрасной де-вы-охотницы, провожает сына, высадившегося на незнакомом и безлюдном по-бережье, в Карфаген, по дороге рассказывая историю города и его царицы Дидо-ны («Энеида», I, 314–405).

Римлянин не ответил; он подошел к ней, обхватил рукой толстую ветвь шелковицы и, вместо того чтобы взглянуть на открывшийся перед ним вид, устремил на Актею глаза, горевшие такой страстью, что девушка, чувствуя, как краснеет, поспешила заговорить, чтобы скрыть волнение.

– Погляди туда, на восток, – продолжала она, – и, хотя уже начинаются сумерки, вон там ты увидишь крепость Афин, похожую на белую точку, и Сунийский мыс, что вырисовывается на лазури волн будто наконечник копья; ближе к нам, в Саронийском заливе, вон тот остров в виде подковы – это Саламин, где сражался Эсхил и где Ксеркс потерпел поражение;⁷⁰ там, внизу, ближе к югу в направлении Коринфа и приблизительно в двух сотнях стадиев отсюда, – Немея и лес, где Геракл убил льва, чью шкуру он потом носил в память о своей победе; там, вдали, у подножия горной цепи, замыкающей горизонт – Эпидавр, любезный Эскулапу;⁷¹ за Эпидавром – Аргос, родина царя царей.⁷² На западе, в потоках золота от заходящего солнца, за плодородными равнинами Сикиона,

⁷⁰ Эсхил принимал участие в битвах при Марафоне и Саламине.

⁷¹ Одним из самых почитаемых храмов бога врачевания Асклепия (рим. Эскулапа) был храм в городе Эпидавре на южном берегу Саронийского залива, к юго-востоку от Коринфа; именно оттуда была привезена змея (священное животное Асклепия), которую выпустили в основанном на одном из островов Тибра храме Эскулапа.

⁷² Царем царей в Элладе именовали Агамемнона, предводителя объединенных греческих войск в Троянской войне, но он был уроженцем (и царем) не Аргоса (расположенного к юго-западу от Коринфа), а Микен. Аргос был местом сбора войск, и поэтому у Гомера греки именуется также аргивянами.

за голубой полоской моря, на небосклоне виднеются, словно два завитка дыма, Сама⁷³ и Итака – видишь их? А теперь повернись спиной к Коринфу и погляди на север: справа от нас – гора Киферон, где бросили на погибель новорожденного Эдипа; налево – Левктры, где Эпаминонд разбил лакедемонян; прямо напротив нас – Платеи, где Аристид и Павсаний победили персов; а там, посредине и на оконечности горной цепи, тянущейся от Аттики до Этолии, – Геликон, заросший соснами, миртами и лаврами, и Парнас с его двумя заснеженными вершинами, а между ними бьет Кастальский ключ, получивший от муз способность наделять поэтическим даром тех, кто пьет его воду.

– Да, – сказал Луций, – твоя страна – край великих воспоминаний; прискорбно, что не все его дети хранят эти воспоминания столь же благоговейно, как ты; но утешься: если Греция уже не царица мира по силе, то она все еще остается ею по красоте, и эта царственная власть – самая кроткая и самая могущественная из всех.

Актея поднесла руку к покрывалу, но Луций удержал ее. Коринфянка вздрогнула, но все же не решилась отнять руку: будто пелена застлала ей глаза, и, чувствуя, что колени у нее слабеют, она оперлась о ствол шелковицы.

Был тот восхитительный час, когда день угас, а ночь еще не наступила; сумерки, разлившиеся по всей восточной части горизонта, объяли Архипелаг и Аттику; а с противопо-

⁷³ Здесь Сама – это остров Кефалления; так его именует Гомер.

ложной стороны пламенеющие волны Ионического моря и золотые облака на небе, казалось, отделяло друг от друга лишь солнце – подобное громадному раскаленному щиту, вышедшему из кузнечного горна, оно погрузило в воду нижний край. Город еще гудел вдалеке словно улей; но на равнине и в горах все звуки постепенно затихали; порой со стороны Киферона доносилась пронзительная песня пастуха или с Саронийского или Крисейского залива долетал крик матроса, тащившего свою лодку на берег. В траве запели ночные насекомые, а тысячи светляков в теплом вечернем воздухе сияли, как искры в невидимом очаге. Чувствовалось, что природа, утомленная дневными трудами, понемногу погружается в сон и что через несколько мгновений все вокруг умолкнет, дабы не нарушать ее сладостного покоя.

Охваченные благоговейным чувством, Луций и Актея хранили молчание, как вдруг со стороны Лехеи раздался звук настолько странный, что девушка вздрогнула. А римлянин живо повернул голову, и взгляд его упал на видневшуюся возле берега бирему, подобную золотой раковине. Ощувив какой-то бессознательный страх, девушка выпрямилась и хотела было направиться к городу, но Луций остановил ее. Она безмолвно повиновалась и, словно побежденная какой-то высшей силой, оперлась о дерево или, точнее, о руку Луция, незаметно обвившуюся вокруг ее талии, запрокинула голову и, полузакрыв глаза, полуоткрыв рот, устремила взгляд на небо. Луций залюбовался прелестной позой де-

вушки, а она, хоть и чувствовала на себе страстный взгляд римлянина, не в силах была уклониться от этого взгляда, как вдруг тот же звук, более близкий и еще более устрашающий, снова разнесся в теплом и тихом воздухе и пробудил Актею от ее забытья.

– Бежим, Луций! – в ужасе воскликнула она. – Бежим отсюда! По горам бродит какой-то хищный зверь, бежим скорей! Стоит только пройти священную рощу – и мы будем в храме Венеры или в крепости. Идем же, Луций, идем!

Луций улыбнулся.

– Чего боится Актея, если она рядом со мной? – сказал он. – Что до меня, то ради Актеи я готов был бы сразиться со всеми чудовищами, которых победили Тесей, Геркулес и Каadm.

– А знаешь ты, что это за звук? – дрожа, спросила Актея.

– Да, – улыбаясь, ответил Луций, – это ревет тигр.

– О Юпитер! – воскликнула Актея, бросаясь в объятия римлянина. – Юпитер, спаси нас!

В самом деле, рев раздался в третий раз, еще ближе и еще ужаснее, чем прежде. Луций ответил на него почти похожим воплем. И в то же мгновение из священной рощи огромными прыжками выскочила тигрица и остановилась, приподнявшись на задних лапах, будто не зная, куда дальше идти; Луций как-то по особому свистнул – тигрица бросилась вперед, одним прыжком перелетая через кусты мирта, каменного дуба и олеандра, как собака перепрыгивает через вереск,

и с радостным ревом приблизилась к нему. Тут Луций ощутил, как юная коринфянка всей тяжестью повисла на его руке: она не держалась на ногах, бесчувственная и полумертвая от страха.

Когда Актея пришла в себя, она покоилась в объятиях Луция, а тигрица лежала у их ног, ласково положив на колени хозяина свою страшную голову со сверкающими как рубины глазами. Девушка было приподнялась, но, увидев это зрелище, снова бросилась в объятия возлюбленного, отчасти от страха, отчасти от стыда: рука ее протянулась к поясу, развязанному и отброшенному на несколько шагов от нее.

Луций заметил этот запоздалый жест целомудрия; он снял с шеи тигрицы массивный золотой ошейник, с которого еще свисало звено от порванной цепи, и застегнул его на тонкой и гибкой талии своей юной подруги; затем подобрал пояс, украдкой развязанный им незадолго до этого, одним его концом обвив шею тигрицы, а другой вложил в дрожащие пальцы Актеи. После этого оба встали и молча направились вниз, к городу; Актея одной рукой опиралась на плечо Луция, а другой вела на поводке тигрицу, недавно внушавшую ей такой страх, а теперь укрощенную и покорную.

У городских ворот они встретили раба-нубийца, которому было велено надзирать за тигрицей Фебой: он отправился вслед за ней и потерял ее из виду в тот миг, когда она почувяла след хозяина и бросилась по направлению к крепости. Завидев Луция, он стал на колени и склонил голову, ожидая

заслуженного им, как он думал, наказания. Но в этот миг Луций был слишком счастлив, чтобы обойтись с рабом жестоко, и к тому же Актея смотрела на него, умоляюще сложив руки.

– Встань, Либик, – сказал римлянин. – На этот раз я тебя прощаю; но впредь получше смотри за Фебой: из-за тебя эта прелестная нимфа так испугалась, что подумала, будто умрет от страха. Итак, моя Ариадна,⁷⁴ передай тигрицу ее сторожу. Я велю запрячь пару таких зверей в колесницу из золота и слоновой кости и в ней повезу тебя по городу, среди толпы, и та будет поклоняться тебе как богине. Ну хватит, Феба, довольно. Прощай...

Но тигрица не желала уходить просто так: она встала перед хозяином на задние лапы, положила передние ему на плечи и стала лизать его с ласковым ворчанием.

– Да, да, – вполголоса сказал Луций, – ты благородный зверь. Когда мы вернемся в Рим, я отдам тебе на съедение прекрасную рабыню-христианку с двумя детьми. Иди, Феба, иди.

Тигрица повиновалась так, словно поняла это жестокое обещание, и пошла за Либиком, но при этом раз двадцать обернулась вслед хозяину; только когда Луций и бледная,

⁷⁴ Ариадна – по греческим преданиям, дочь критского царя Миноса, влюбленная в Тесея; дала ему волшебную нить, благодаря которой он смог, победив Минотавра, выбраться из Лабиринта. Ариадна бежала с Тесеем, но тот, несмотря на свое обещание жениться на ней, покинул ее в пути. В дальнейшем Ариадну похитил влюбленный в нее Дионис и справил с ней пышную свадьбу.

дрожащая Актея исчезли за городскими воротами, она решила безропотно войти в золоченую клетку, служившую ей жилищем на борту корабля.

В вестибule,⁷⁵ дома Амикла Луция ждал раб-кубикуларий⁷⁶ чтобы отвести гостя в его комнату. Молодой римлянин пожал руку Актеи и удалился, предшествуемый рабом со светильником в руках. А юная коринфянка по своей привычке направилась к отцу, чтобы поцеловать его в лоб. Тот, видя, как бледно и взволнованно ее лицо, спросил, что за страх терзает ее душу.

Тогда она рассказала, как напугала ее Феба и как этот страшный зверь повиновался каждому знаку Луция.

На мгновение старик задумался, затем с тревогой спросил:

– Что же это за человек, который играет с тиграми, приказывает проконсулам и хулит богов?

Актея приблизила бледные и похолодевшие губы ко лбу отца, но едва коснулась ими его седых волос. Она удалилась в свою комнату и в полной растерянности, не зная, случилось ли все это во сне или наяву, стала ощупывать себя, дабы убедиться, что она не спит. Тогда она почувствовала под рукой золотой обруч, заменивший ее девичий пояс, и, подойдя к светильнику, прочла на ошейнике слова, так точно отвечав-

⁷⁵ Вестибул – передняя в римском доме.

⁷⁶ Кубикуларий (от лат. cubicula – «спальня») – спальник, слуга, провожающий гостей в спальню и готовящий постели.

шие ее мыслям: «Я принадлежу Луцию».

III

Всю ночь совершались жертвоприношения; храмы были украшены гирляндами цветов, как во время больших государственных праздников. Сразу по окончании священнодействия толпа, несмотря на ранний час, устремилась к гимнасию – настолько всем не терпелось увидеть игры, напоминавшие о прежних, прекрасных днях Греции.

Амикл был избран одним из восьми судей, и отведенное ему место судьи находилось напротив места римского проконсула, поэтому он явился к самому началу игр. У дверей он встретил Спора; тот пришел к своему хозяину, однако стражи не впустили его: увидев белое лицо, нежные руки и вялую походку, они приняли его за женщину. А согласно древнему закону, недавно введенному снова, всякая женщина, дерзнувшая присутствовать на состязаниях по бегу и борьбе, где атлеты выступали обнаженными, должна была быть сброшена со скалы. Старик поручился за Спора, и после этой заминки юноша пошел искать хозяина.

Гимнасий был похож на улей: не только ступеньки, на которых теснились рано прибывшие зрители, но и все пространство ристалища было заполнено людьми; vomitorии,⁷⁷ казалось, были загорожены рядами голов как стенами. На

⁷⁷ Vomitorии – выходы из античных амфитеатров: театральных зданий, цирков.

крыше стояла шеренга зрителей, поддерживавших друг друга; единственной опорой им служили установленные через каждые десять шагов позолоченные балки; на них был натянут веларий; и все же великое множество других еще гудело, словно пчелиный рой, перед дверьми громадного здания, вместившего в себя не только все население Коринфа, но еще и посланцев всего мира, прибывших на эти праздники. Что касается женщин, то издали было видно, как они стоят у дверей и на городской стене, ожидая, когда будет объявлено имя победителя.

Как только Амикл занял свое место и судьи, таким образом, оказались в полном составе, проконсул встал и именем Цезаря Нерона, императора Рима и владыки мира, объявил игры открытыми; ответом на его слова были громкие крики и шумные рукоплескания; затем все взоры обратились к портику, где находились борцы. Семь молодых атлетов вышли оттуда и приблизились к трибуне проконсула. Лишь двое из них были родом из Коринфа; среди пяти остальных был один фиванец, один сиракузец, один сибарит и двое римлян.

Коринфские борцы были братья-близнецы; они шли обнявшись, в одинаковых туниках и были настолько схожи ростом, лицом и сложением, что цирк загремел от рукоплесканий при виде этих двух Менехмов.⁷⁸ Фиванец был молодой пастух; однажды, когда он пас стада у подножия Киферона, с

⁷⁸ Менехмы – герои одноименной комедии римского драматурга Тита Макция Плавта (ок. 255–184 до н. э.) – два неразличимых близнеца.

горы спустился медведь, и безоружный юноша, не испугавшись, схватился врукопашную со страшным противником и в борьбе задушил его. В память об этой победе он накинул на плечи шкуру побежденного зверя; медвежья голова заменяла ему шлем, а оскаленные белые клыки ярче выделяли смуглость его лица, опаленного солнцем.

Сиракузец сумел дать не менее впечатляющее доказательство своей силы. Однажды, в то время как его соотечественники совершали жертвоприношение Юпитеру, недорезанный жертвенный бык, увенчанный цветами и украшенный лентами, бросился в самую гущу толпы и уже успел раздавить нескольких человек, когда сиракузец схватил его за рога, подняв один и нагнув другой, свалил его на бок и подмял под себя, словно побежденного атлета на арене, и держал так, пока какой-то солдат не вонзил в горло быка свой меч.

Что касается молодого сибарита, то он долгое время не подозревал своей собственной силы, пока не узнал о ней благодаря столь же неожиданному случаю. Он и его друзья возлежали на обитых пурпуром ложах за пиршественным столом, когда послышались крики: по улице неслась колесница, влекомая понёсшими конями, и вот-вот могла разбиться об угол дома; в этой колеснице находилась его возлюбленная; он выпрыгнул из окна и схватился за задок колесницы. От внезапной остановки кони стали на дыбы; один из них повалился на землю, а возлюбленная сибарита упала прямо к нему в объятия – бесчувственная, но невредимая.

Из двух же римлян один по своему основному занятию был атлетом, известным громкими победами, другим был Луций.

Судьи положили в урну семь бюллетеней. Два были помечены буквой А, два – буквой В, еще два – буквой С и последний – буквой D. Таким образом, жребий должен был определить три пары для поединка, а седьмому атлету предстояло помериться силами с победителями. Проконсул собственноручно смешал бюллетени, затем семеро борцов приблизились, каждый взял себе один и вручил председателю игр; тот развернул бюллетени один за другим и сложил попарно. Случаю угодно было, чтобы оба коринфянина получили букву А, буква В досталась фиванцу и сиракузцу, у сибарита и атлетаримлянина оказалась буква С, а букву D получил Луций.

Атлеты, не знавшие еще, в каком порядке им будет назначено бороться, все разделись, кроме Луция: ему надлежало выйти на ристалище последним; он по-прежнему стоял завернувшись в плащ. Проконсул вызвал двух атлетов на букву А; оба брата сразу же выбежали из тени портика и оказались друг перед другом, лицом к лицу, и у обоих вырвался изумленный крик, на который собравшиеся отвечали роковым удивления; на мгновение братья замерли в нерешительности. Но это длилось не дольше чем вспышка молнии, а затем они кинулись в объятия друг друга; весь амфитеатр загремел единодушными рукоплесканиями, и два красавца-атлета, услышав эту дань уважения братской любви, улыбноу-

лись, отступили в сторону, чтобы дать место другим состязующимся, и, подобные Кастору и Поллуксу, взялись за руки: из актеров, которыми эти коринфяне собирались быть, они превратились в зрителей.

Таким образом, те, что должны были быть вторыми по жребию, оказались первыми; и вот фиванец и сиракузец в свою очередь выступили вперед; победивший медведя и укротивший быка смирли друг друга взглядом и затем ринулись в бой. На какое-то время их сплетенные, слитые воедино тела стали похожи на узловатый, бесформенный древесный ствол, причудливо изогнутый природой; он вдруг покатился по земле, как будто удар молнии отсек его от корней. Несколько секунд ничего нельзя было разглядеть среди тучи поднявшейся пыли; шансы обоих противников казались равны, настолько быстро каждый из них оказывался то наверху, то внизу; наконец фиванцу все же удалось упереть свое колено в грудь сиракузца, и, обхватив горло противника двумя руками, словно железным кольцом, он сжал его так сильно, что тот вынужден был поднять руку в знак того, что признает себя побежденным. Единодушные рукоплескания, приветствовавшие развязку первого поединка, показывали всю любовь греков к этому зрелищу: трижды смолкал и трижды возобновлялся шум аплодисментов, пока победитель шел к ложе проконсула, а его посрамленный противник вернулся под сень портика, откуда сразу же вышла следующая пара борцов: сибарит и атлет-римлянин.

Примечательное зрелище представляли собой эти двое, когда они сбросили одежды и рабы стали натирать их маслом: совершенно различные по своему облику, они представляли два самых прекрасных типа античности – Геркулеса и Антиноя.⁷⁹⁸⁰ Первого напоминал атлет с его короткими волосами, смуглыми, мускулистыми руками и ногами; на второго походил сибарит с длинными, волнистыми, завивающимися в кольца волосами и округлыми линиями белого тела. Греки, великие ценители физической красоты, истовые ревнители формы, мастера, умеющие добиться совершенства во всем, не удержались от шепота восхищения, и оба противника подняли голову выше. Их горделивые взоры скрестились, словно две молнии, и, не дождавшись окончания этого предварительного ритуала, оба одновременно вырвались из рук рабов и двинулись навстречу друг другу.

Когда между ними осталось три-четыре шага, они снова внимательно оглядели друг друга, и каждый, по-видимому, понял, что перед ним достойный противник, так как в глазах у одного вспыхнула настороженность, а в глазах другого – хитрость. Наконец они одновременно, одним и тем же движением схватили друг друга за руки у плеча, прижались друг к другу лбами, как два дерущихся быка; каждый хотел

⁷⁹ Антиной – один из женихов Пенелопы, самый знатный и самый сильный из них, первым убитый Одиссеем; изображался стройным сильным красавцем.

⁸⁰ В античном искусстве Геракл изображался как мужчина средних лет, атлетического, тяжелого телосложения.

показать свою силу, заставив соперника попятиться. Но оба не двинулись с места и стояли неподвижно; их можно было бы принять за две статуи, если бы не постепенное, все более усиливающееся напряжение мышц: казалось, они вот-вот разорвутся. После минуты такой неподвижности оба отпрянули назад, встряхивая влажными от обильного пота головами, шумно дыша, как ныряльщики, поднявшиеся на поверхность воды.

Передышка была недолгой; противники снова продолжили борьбу и на этот раз применили захват. Но сибарит, то ли плохо знакомый с этими приемами, то ли уверенный в своей силе, дал противнику преимущество, позволив обхватить себя под мышками; римлянин сразу же приподнял его и оторвал от земли. Однако при этом он согнулся под тяжестью противника и, пошатываясь, сделал три шага назад; в это время сибариту удалось ногой коснуться земли, силы вернулись к нему, и римлянин, уже терявший равновесие, упал и оказался внизу под противником. Но едва зрители успели увидеть его на земле, как он со сверхъестественной силой и ловкостью сумел встать на ноги, так что сибарит поднялся вторым.

Ни победителя, ни побежденного здесь не было, поэтому соперники продолжили борьбу столь же ожесточенно и в глубокой тишине. Казалось, тридцать тысяч зрителей окаменели и слились с камнем ступенек, на которых они сидели. Только изредка, когда фортуна благоволила к тому или к

другому из соперников, из груди зрителей вырывался недолгий приглушенный рокот и по толпе проходило легкое движение, как по рядам колосьев, волнуемых ветром. Наконец соперники во второй раз потеряли равновесие, рухнули и покатались по арене, но теперь сверху оказался римлянин; его преимущество осталось бы незначительным, если бы к силе он не присоединил все ухищрения своего искусства. Благодаря им он сумел удержать сибарита в том невыгодном положении, из которого недавно так быстро освободился сам. Как змея, удавливающая свою добычу и ломающая ей кости перед тем как сожрать ее, он обвил ногами и руками ноги и руки соперника с такой ловкостью, что тот не в состоянии был пошевелиться, и сумел заставить его коснуться земли затылком, что в глазах судей означало признать себя побежденным. Раздались громкие крики, послышались шумные рукоплескания, отчасти заслуженно предназначавшиеся побежденному сибариту. Он был так недалек от победы, что никто бы и не подумал считать его поражение позором, поэтому он медленно удалился под сень портика без краски стыда и без смущения: он лишился венка, только и всего.

Итак, определились два победителя, и Луцию, еще не участвовавшему в состязании, предстояло теперь бороться с обоими. Все взоры обратились к молодому римлянину: все это время он стоял, прислонясь к колонне и завернувшись в свой плащ, спокойно и бесстрастно наблюдая за борьбой. Только сейчас все обратили внимание на его нежное, почти

женственное лицо, длинные светлые волосы и узкую золотистую бородку, окаймлявшую щеки и подбородок. И каждый улыбнулся, видя, какой слабый состязатель вознамерился безрассудно оспаривать награду у могучего фиванца и искусного атлета. Луций услышал ропот, пробежавший по рядам, и понял настроение зрителей; нимало не обеспокоенный этим выражением чувств и не намеренный как-то отвечать на него, он сделал несколько шагов вперед и сбросил плащ. Тогда все увидели, что эта голова Аполлона сидит на крепкой шее и могучих плечах и – что еще более странно – все его тело, белизной кожи могущее поспорить с белотелыми девами-черкешенками, было усеяно темными пятнами, подобными тем, что испещряют рыжий мех пантеры. Фиванец беспечно поглядел на своего нового противника; атлет же, явно удивленный, отступил на несколько шагов. На арену вышел Спор и вылил на плечи хозяина флакон благовонного масла, а затем растер по всему телу куском пурпурной ткани.

Первым должен был бороться фиванец; он шагнул навстречу Луцию, выражая нетерпение: приготовления противника затянулись; однако Луций властным движением поднял руку, давая понять, что он еще не готов, и тут все услышали голос проконсула, сказавшего: «Жди». Между тем молодой римлянин растерся маслом, и теперь ему оставалось только броситься на пыльную арену, как обычно делают все; вместо этого он стал на одно колено, и Спор высыпал ему на плечи мешочек песка, который был собран на бере-

гах Хрисорроэса⁸¹ и в котором попадались крупинки золота. Покончив с этим, Луций встал и развел руки в стороны в знак того, что он готов начать борьбу.

Фиванец простодушно двинулся к Луцию, а тот спокойно ожидал его; но едва только шершавые руки противника коснулись плеча Луция, как в глазах у того сверкнули грозные молнии и он издал крик, подобный рычанию зверя. В то же мгновение он опустился на одно колено и своими мощными руками обхватил пастуха пониже ребер и выше бедер; затем, как бы свив руки в узел за спиной противника, притиснул его животом к своей груди и внезапно встал, удерживая гиганта в тисках своих рук. Это было сделано так быстро и с такой ловкостью, что у фиванца не было ни времени, ни сил сопротивляться и он оторвался от земли; голова его возвышалась над головой противника, а руки, которым не за что было ухватиться, били по воздуху. И греки как будто вновь увидели борьбу Геракла с Антеем; фиванец уперся ладонями в плечи Луция и, изо всех сил напрягая руки, попытался разомкнуть ужасное кольцо, задыхаясь в нем, но его усилия были тщетны; напрасно он в свою очередь обвил ногами, словно двумя змеями, бедра противника: на этот раз Лаокоон поборол змея.⁸² Чем отчаяннее фиванец пытался высво-

⁸¹ Хрисорроэс, т. е. «златотекучий» – не название реки, а поэтическое наименование горы Тмол в Лидии (на западе Малой Азии).

⁸² Согласно греческим мифам, троянский прорицатель Лаокоон, предупреждая соотечественников от коварства врага, уговаривал троянцев не ввозить в город огромного деревянного коня, оставленного близ Трои якобы отбывшими ахейца-

бодиться, тем сильнее, казалось, Луций затягивал цепь, которой сдавил его; не трогаясь с места, как будто совершенно неподвижный, приникнув головой к груди противника, словно он прислушивался к его стесненному дыханию, сжимая все крепче, как если бы его мощь должна была перейти пределы человеческих сил, он держался так несколько минут; а в это время у фиванца проявились очевидные и нарастающие признаки агонии. Вначале смертный пот выступил у него на лице и потек на тело, увлажнив покрывавшую его пыль; затем лицо побагровело, из груди вырвался хрип, ноги отделились от тела соперника, руки и голова запрокинулись назад, и наконец из носа и ушей хлынула кровь. Тогда Луций разжал руки, и бесчувственный фиванец грузно упал к его ногам.

Ни единый радостный крик, ни единое рукоплескание не приветствовали эту победу. Подавленная толпа осталась тиха и нема. Однако придраться тут было не к чему: борьба проходила по правилам, удары не наносились, Луций победил в открытом и честном единоборстве. И зрители были захвачены зрелищем, хотя и не выражали этого в приветствен-

ми (по совету хитроумного Одиссея греки изображали мнимое отступление, но остались неподалеку, а внутри коня спрятали отряд, который должен был ночью открыть ворота Трои). Поскольку боги решили отдать победу грекам, они послали на Лаокоона двух змей, задушивших его и его сыновей. По другой, менее известной версии мифа, этих змей послал Аполлон, поскольку Лаокоон, его жрец, дал обет безбрачия и нарушил его, не только вступив в брак и родив сыновей, но и сойдясь с женой в храме Аполлона. В этом варианте мифа гибнут только дети, а сам Лаокоон остается в живых, чтобы до конца дней оплакивать свою судьбу.

ных возгласах. Поэтому, как только рабы унесли все еще бесчувственного фиванца, толпа, проводив его взглядом, обратила свое внимание на атлета-римлянина, победившего во второй схватке: его сила и ловкость делали его грозным соперником Луция. Но собравшиеся странным образом обманулись в своих ожиданиях, ибо в то мгновение, когда Луций стал готовиться к борьбе, атлет с почтительным видом приблизился к нему и, преклонив колено, поднял руку в знак того, что признает себя побежденным; Луций, казалось, отнесся к этому поступку и к знаку почтения без малейшего удивления; в самом деле, не протянув руки атлету, не подумав помочь ему подняться, он обвел взглядом стадион, как бы спрашивая у изумленной толпы, найдется ли в ней кто-нибудь, кто осмелился бы оспаривать у него победу. Но никто не подал знака, никто не вымолвил слова, и в этой глубокой тишине Луций подошел к ложе проконсула, протянувшего ему венок, и только тогда раздались жидкие рукоплескания, но в тех, кто выразил таким образом свое одобрение, нетрудно было узнать матросов с корабля, на котором приплыл Луций.

А между тем чувство, овладевшее толпой, вовсе не было неприязнью к молодому римлянину: зрителей охватил своего рода суеверный страх. Эта сверхъестественная сила в сочетании с нежной молодостью заставляла вспомнить чудесные подвиги героических эпох; у каждого с уст готовы были сорваться имена Тесея и Пирифоя, и, хотя никто не выра-

зил свою мысль вслух, все почти поверили, что видят перед собой полубога. А почтительное поведение римского атлета, заранее признавшего себя побежденным, публичное самоуничтожение раба перед хозяином укрепили эту веру. И потому, когда победитель покинул цирк, одной рукой опираясь на руку Амикла, другую уронив на плечо Спора, толпа зрителей шла за ним до самых дверей – тесная, любопытствующая толпа, но в то же время столь тихая и боязливая, что всякому это напомнило бы скорее похороны, чем триумф победителя.

Девушки и женщины, коим не дозволялось присутствовать на состязаниях, с ветвями лавра в руках ожидали победителя у городских ворот. Напрасно взгляд Луция искал Актею: стыдливость ли, страх ли были тут причиной, но ее не было среди подруг. Тогда он ускорил шаг, надеясь, что юная коринфянка ждет его у двери, открытой ею перед ним накануне; он перешел площадь, которую переходил с нею, и свернул на улицу, по которой она вела его вчера; но на гостеприимной двери не было ни венка, ни цветочной гирлянды. Луций, поспешно переступив порог, бросился в вестибул, опередив старика; вестибул был пуст, но через открытую дверь в сад он увидел Актею, коленопреклоненную перед статуей Дианы, столь же бледную и неподвижную, как мрамор, который она обнимала. Он тихонько пошел к ней сзади и возложил ей на голову свой венок победителя. Актея вскрикнула, живо обернулась к Луцию, и горящий страстью

горделивый взор римлянина еще более красноречиво, чем скатившийся к ногам венок, возвестил ей, что ее гость завел первую из трех наград, которые намеревался оспаривать у Греции.

IV

На следующий день, уже с утра, весь Коринф, казалось, снова облачился в праздничные одежды. Ристания.⁸³ колесниц были хоть и не самым древним, но наиболее торжественным видом состязаний; они проводились в присутствии изображений богов; ночью изображения доставляли в храм Юпитера у Лехейских⁸⁴ ворот, то есть в восточной части Коринфа, а днем их надо было нести через весь город в цирк, находившийся на противоположном склоне горы, откуда открывался вид на крисейскую гавань⁸⁵ В десять часов утра, что соответствовало четырем часам дня по римскому отсчету времени, процессия двинулась в путь. Первым ехал на колеснице проконсул Лентул в одеянии триумфатора; за ним следовал отряд юношей четырнадцати и пятнадцати лет – сыновей всадников – на великолепных конях, украшенных алыми с золотом чепраками; далее – возницы, притязавшие на сегодняшнюю награду, а во главе их на колеснице, отделанной золотом и слоновой костью, ехал Луций, вчерашний победитель, в зеленой тунике, с пурпурными вожжами в ру-

⁸³ Ристания – конные состязания

⁸⁴ Лехейскими назывались западные ворота Коринфа; восточные назывались Кенхрейскими, и здесь, судя по тексту, о них и идет речь.

⁸⁵ Скорее всего имеется в виду западная, Лехейская гавань Коринфа.

ках, правивший квадригой,⁸⁶ великолепных белых коней. Но на голове у него не было венка за победу в борьбе: на ней блистал лучезарный обруч, подобный тому, что живописцы рисуют на челе Солнца, и, чтобы довершить это сходство с божеством, его бороду посыпали золотым порошком. За ним ехал юный грек из Фессалии, одетый в желтую тунику, горделивый и прекрасный, словно Ахилл; в его бронзовую колесницу была впряжена четверка вороных коней. Из двух других состязателей один был афинянин, утверждавший, что он потомок Алкивиада, второй – смуглокожий сириец. Афинянин был одет в синюю тунику, его длинные надушенные черные волосы развевались по ветру; на сирийце было просторное белое одеяние, перехваченное в талии персидским поясом, голова у него, как у сынов Измаила, была повязана белым тюрбаном⁸⁷ сияющим, словно снег на вершине Синая.⁸⁸

Затем, предваряя изваяния богов, шествовали арфисты и

⁸⁶ Квадрига – беговая колесница с четырьмя запряженными в один ряд конями; применялась первоначально как боевая колесница, а с VII в. до н. э. – лишь для спортивных состязаний, приобретая одновременно значение почетной колесницы.

⁸⁷ Согласно Библии, Измаил, сын праотца Авраама и рабыни Агари, был изгнан вместе с матерью своим отцом по наущению жены последнего, Сарры (но и по указанию ангела Господня), за насмешки над Исааком, законным сыном Авраама и Сарры. Агарь с отроком ушла в пустыню, где им явился ангел и сообщил волю Бога: он произведет от Измаила великий народ (Бытие, 17: 20). Потомками Измаила считаются арабы.

⁸⁸ Вершина Синая имеет высоту 2228 м.

флейтисты, одетые сатирами и силенами;⁸⁹ среди них шли жрецы низшего ранга, служившие двенадцати великим богам; они несли лари и сосуды, наполненные благовониями, а также золотые и серебряные курильницы, в которых дымились драгоценнейшие ароматы. И замыкали шествие крытые носилки, запряженные великолепными конями и сопровождаемые всадниками и патрициями;⁹⁰ в носилках стояли или лежали изваяния богов. Этой процессии предстояло пересечь почти весь город; она двигалась между двумя рядами домов, фасады которых были украшены картинами и статуями или увешаны драпировками. Поравнявшись с домом Амикла, Луций повернул голову, надеясь увидеть Актею, и заметил, как из-под края пурпурного полотнища, вывешенного на фасаде, робко выглядывает зарумянившаяся от смущения девушка; на голове у нее был веночек – тот, что накануне он уронил к ее ногам. Захваченная врасплох, Актея опустила драпировку и скрылась от взгляда Луция; но через ткань, скрывавшую ее, она услышала, что молодой римлянин обратился к ней:

– Встречай меня на обратном пути, прекрасная моя хозяйка, и я поменяю твой оливковый веночек на золотой!

В поддень процессия достигла цирка. Это было громад-

⁸⁹ Силены – первоначально, как и сатиры, – демоны плодородия; позднее считались реально существовавшими чудовищами, весьма схожими с сатирами, но отличавшиеся толстыми губами, глазами навывкате и страстью к вину. Сатиры и силены входили в свиту Диониса.

⁹⁰ Под патрициями здесь понимаются сенаторы.

ное здание, длиной в две тысячи ступней и шириной в восемьсот. Цирк был разделен пополам стеной высотой в шесть ступней, тянувшейся во всю его длину, если не считать двух широких проемов у обоих концов стены, где могли проехать четыре колесницы. Верх стены, называвшейся «спина»,⁹¹ на всем протяжении был украшен алтарями, миниатюрными храмами, и пустыми пьедесталами – на них по случаю этого торжества должны были водрузить статуи богов. Вдоль одной стороны цирка располагались карцер и, или конюшни, вдоль другой – трибуны для зрителей; у обоих концов спины находились по три столба, расположенные треугольником: их во время скачек нужно было объехать семь раз.

Как можно было увидеть, возницы оделись в цвета различных партий,⁹² в то время существовавших в Риме. Поскольку крупные ставки обычно делались заранее, побившиеся об заклад зрители явились одетыми в цвета тех возниц, что вызывали наибольшее расположение своей приветливой

⁹¹ «Спина» (лат. *spina*) – «шип», «кость» и «позвоночный столб», «хребет».

⁹² В Древнем Риме и средневековой Византии существовали т. н. цирковые партии, или партии ипподрома, нечто вроде спортивных клубов, включавших возниц, служителей ипподромов и болельщиков. Эти партии являлись одновременно некими общественными организациями, обладавшими общей казной, которая расходовалась на совместные трапезы, погребения, помощь неимущим, вдовам и сиротам покойных сочленов и т. п. Партии различались по цвету одежды цирковых возниц: зеленый, синий, белый и красный. Первые две партии – «синие» и «зеленые» были более влиятельны, чем остальные, и конкурировали друг с другом. Поскольку указанные партии являлись немалой общественной силой, власти нередко покровительствовали той или другой.

наружностью, породистыми конями или прошлыми победами. Поэтому на ступенях цирка было множество зрителей, привлеченных не только общей для всех любовью к ристаниям, но прямо заинтересованных в победе своих фаворитов. Даже многие женщины присоединились к различным партиям: на них были пояса и покрывала тех же цветов, что и одежды четырех возниц. И вот, когда послышался шум приближавшейся процессии, по толпе, словно электрическая искра, пробежала волна необычного возбуждения: человеческое море забурлило, головы вздымались, как живые и шумливые морские валы, и как только двери цирка отворились, на небольшое пространство, до сих пор остававшееся свободным, хлынул поток зрителей, бившийся, словно прибой, о стены каменного колосса. Едва ли четвертой части любопытных, сопровождавших процессию, удалось прорваться внутрь, а вся остальная толпа была оттеснена назад охраной проконсула. Тогда люди стали забираться на все возвышенности, откуда виден был цирк, влезали на деревья, цеплялись за зубцы крепостных стен, живыми гирляндами повисали на террасах ближайших домов.

Как только все заняли свои места, главная дверь цирка отворилась и появился Лентул; нетерпеливый гомон ожидания сразу же стих, сменившись изумленным молчанием. То ли желая выразить доверие Луцию, уже победившему вчера, то ли желая угодить божественному императору Клавдию Нерону, покровительствовавшему партии «зеленых» в Риме

и соизволившему вступить в нее, проконсул вместо пурпурной туники надел зеленую. Он медленно объехал цирк по кругу, а за ним везли изображения богов, все еще предшествуемые музыкантами. Музыка стихла лишь в то мгновение, когда изображения были уложены на пульвинары⁹³ или водружены на пьедесталы; Лентул дал знак начинать, бросив на середину цирка лоскут белой шерсти. В ту же минуту на арену выехал вестник в одежде Меркурия, на неоседланном коне без узды. Не спешиваясь, он нагнулся и подхватил маппу⁹⁴ одним из крыльев своего кадуцея, галопом проскакал вокруг внутренней решетки, размахивая лоскутом словно знаменем; доскакав до карцериев, он перебросил маппу и кадуцей через стену, за которой ожидали возницы. По этому сигналу двери карцериев отворились и на арену выехали четыре состязателя.

Свитки с записанными на них именами возниц были брошены в корзину: жребий должен был определить, кому по какой дорожке скакать, чтобы тот, чья дорожка окажется дальше всех от спины, мог пенять лишь на судьбу, заставляющую его проскакать больший круг, чем остальные. Порядок, в каком имена возниц вынимались из корзины, определял номера дорожек.

Проконсул смешал свитки с именами, вытащил и развернул их один за другим: первым, чье имя он огласил, был си-

⁹³ Пульвинары – подушки, на которые помещали фигуры богов.

⁹⁴ Маппа – сигнальное полотнище, сигнальный флаг на ристаниях.

риец в белом тюрбане; тот немедленно отъехал и занял дорожку возле спины так, чтобы ось его колесницы была параллельна черте, проведенной мелом на песке. Вторая дорожка досталась афинянину в синей тунике; он занял место возле своего соперника. Третьим оказался фессалиец в желтом одеянии. И последним был Луций: судьба, словно завидуя его вчерашней победе, назначила ему самое невыгодное место. Фессалиец и Луций немедленно заняли дорожки рядом с остальными. Между колесницами прошли молодые рабы; они вплели в гривы коней ленты тех цветов, что и одежда их возниц, а чтобы укрепить отвагу благородных животных, помахали перед их глазами маленькими флажками. А в это время перед квадригами протянули цепь, закрепленную за два кольца, чтобы поставить их на одной линии.

В ожидании начала скачек толпа зашумела: суммы ставок удваивались, предлагались и принимались новые ставки, голоса спорящих сливались в невнятный гомон. Внезапно запела труба, и в одно мгновение все стихло, вставшие с мест зрители уселись снова, и людское море, еще недавно столь бурное, столь шумливое, успокоилось и стало похоже на цветущий склон, пестреющий всеми красками радуги. С последним звуком трубы цепь упала и четыре колесницы помчались во весь опор.

Упряжки пробежали два круга, и в это время соотношение между соперниками оставалось приблизительно таким же, как вначале. Однако сведущие зрители уже успели оце-

нить достоинства лошадей. Сириец едва сдерживал своих скакунов с крупной головой и тонкими сухощавыми ногами, привычных к скитанию по пустыне; он взял их дикими и благодаря своему терпению и мастерству сумел объездить их и приучить к правильному ходу; чувствовалось, что, дай он им волю, они понеслись бы со скоростью самума, который им нередко случалось обгонять на необозримых песчаных равнинах, простирающихся от гор Иудеи до берегов Асфальтового озера.⁹⁵ У афинянина были фракийские кони; однако, изнеженный и гордый, словно герой, происхождением от которого он похвалялся, афинянин поручил заботу о воспитании коней своим рабам, и чувствовалось, что его упряжка, повинувась руке и голосу незнакомого возницы, в трудную минуту может его подвести. Фессалиец, напротив, казалось, был душой своих элидских.⁹⁶ скакунов: он своей рукой вскормил и выездил их в той же местности, где воспитывал своих коней Ахилл, – между Пенеем и Энипеем⁹⁷ Что же касается Луция, то ему, конечно же, удалось отыскать коней той породы из Мизии, о которых Вергилий рассказывает, что их матерей оплодотворил ветер;⁹⁸ хоть ему и пришлось прой-

⁹⁵ Так называлось в античности Мертвое море; в древности с его поверхности собирали асфальт, использовавшийся как вяжущее и клеящее средство.

⁹⁶ Элида – область на северо-западе Пелопоннеса.

⁹⁷ То есть в Фессалии: Пеней и несущий в него свои воды Энипей – фессалийские реки.

⁹⁸ Здесь имеется в виду миф, изложенный Вергилием в его «Земледельческих стихах»: Грудью встречают Зефира и стоят на утесах высоких, Ветром летучим

ти большее расстояние, чем остальным, он без всякого усилия, не придерживая и не погоняя, пустив лошадей галопом, по-видимому их обычным аллюром, не отставал от других и даже был чуть ближе к ним, чем вначале.

На третьем круге выявились истинные или мнимые преимущества участвующих: афинянин на два копыя обошел фессалийца, до этого опередившего остальных. Сириец, из всех сил сдерживавший своих арабских скакунов, дал себя обойти, уверенный, что потом он добьется преимущества. Луций, спокойный и невозмутимый, словно бог, на изваяние которого он походил, как будто присутствовал при каком-то чужом состязании и исход его был ему безразличен, – настолько безмятежным было его улыбающееся лицо, настолько изящна была его поза, отвечавшая строгим правилам мимического искусства.

На четвертом кругу произошел случай, отвлекший внимание зрителей от остальных состязателей и привлёкший его к Луцию: из рук его выскользнул хлыст, сделанный из шкуры носорога и инкрустированный золотом; Луций преспокойно остановил свою квадригу, спрыгнул на арену, подобрал упавший хлыст, который до сих пор будто бы был ему ни к чему, и, поднявшись снова на колесницу, оказался прибли-

полны, – и часто вовсе без мужаПлод зарождается в них от ветра – вымолвить дивно!(«Георгию», III, 273–275. – Перевод С. Шервинского.)Впрочем, Вергилий здесь следует за Гомером:К ним не раз и Борей разгорался любовью на паствах;Многих из них посещал, набегая конем черногривым;Все понесли, и двенадцать коней от Борея родили.«Илиада», XX, 223–225. – Перевод Н.Гнедича.

зительно на тридцать шагов позади своих соперников. Все это длилось лишь мгновение, однако это мгновение нанесло страшный удар интересам и надеждам партии «зеленых»; но их испуг исчез так же быстро, как вспышка молнии. Луций наклонился к своим коням и, не прибегнув к хлысту, даже не коснувшись их рукой, только по-особенному свистнул – и тут же они понеслись так, точно у них были крылья Пегаса. Еще до окончания четвертого круга Луций под одобрительные крики и рукоплескания занял свое прежнее место: снова пошел четвертым, с небольшим отрывом от остальных.

На пятом круге афинянин уже не мог справиться со своими бешено несущимися конями; он оставил соперников далеко позади, но это было мнимое преимущество, что понимали и зрители, и, по-видимому, сам возница, то и дело с тревогой оборачивавшийся назад. Решив извлечь всю возможную выгоду из своего положения, он, вместо того чтобы придержать уже усталых лошадей, еще подстегивал их треххвостым бичом, называл их по именам и надеялся, до того как они выдохнутся, уйти так далеко, что отставшие его не догонят. Впрочем, он вполне понимал, как мало у него власти над этой упряжкой, понимал настолько, что, имея возможность приблизиться к спине и сократить себе путь, боялся разбиться о поворотный столб и держался от нее на том же расстоянии, какое назначил ему жребий вначале.

Колесницам осталось пройти два круга, и по волнению зрителей и состязателей чувствовалось, что близится развяз-

ка. Зрители из партии «синих», поддерживавшие афинянина, были явно встревожены его преждевременной победой и кричали ему, чтобы он унял лошадей; но лошади принимали эти крики за понукания и мчались еще быстрее. Пот тек с них ручьями, и было ясно, что силы их вскоре иссякнут.

И в эту самую минуту сириец отпустил вожжи, и сыны пустыни, предоставленные самим себе, начали пожирать пространство. Фессалийца на мгновение озадачил этот стремительный бег; но затем он подбодрил своих верных товарищей громким криком и тоже ринулся вперед, словно уносимый вихрем. Луций же ограничился тем, что свистнул коням, как в прошлый раз. Кони, казалось без особых усилий, прибавили ходу, и колесница опять пошла четвертой, с небольшим отрывом от остальных.

Тем временем афинянин заметил, что два соперника, скакавшие по воле жребия справа и слева от него, нагоняют его с быстротой бури; он понял, что ему конец, если он оставит между собой и спиной свободное пространство шириной в колесницу, и вовремя круто свернул к стене, не дав сирийцу приблизиться к ней вплотную; тогда сириец взял вправо, пытаясь проскочить между афинянином и фессалийцем, однако расстояние между двумя колесницами было слишком маленьким. Бросив быстрый взгляд, он заметил, что колесница фессалийца легче и не так прочна, как его собственная, и, мгновенно приняв решение, направил упряжку по косо́й, поравнялся с фессалийцем, задел колесом о его колесо, сло-

мал ему ось и опрокинул колесницу и возничего на арену.

Хотя маневр был проделан очень искусно, хотя столкновение и последовавшее за ним падение произошли очень быстро, все же это на краткое время задержало сирийца; но вскоре он восстановил свое преимущество. И афинянин увидел, что два соперника, так долго остававшиеся позади, теперь нагоняют его. Он еще не успел пройти последний отрезок шестого витка, как его настигли и почти сразу же обогнали. Теперь победу оспаривали только двое возниц: белый и зеленый, араб и римлянин.

И все стали свидетелями великолепного зрелища: восемь коней бежали так быстро и так ровно, словно были в одной упряжке; пыль окутывала их грозовой тучей, и как из тучи слышится гром и проблескивает молния, так и здесь раздавался грохот колес, и казалось, что среди вихря сверкает пламя, выдыхаемое горячими конями. Все в цирке поднялись с мест; зрители, поставившие на этих возниц, размахивали зелеными и белыми плащами и покрывалами, и даже поставившие на афинянина и фессалийца и надевшие синее и желтое, забыв о своем проигрыше, подбадривали соперников криками и рукоплесканиями. И вот всем уже представлялось, что побеждает сириец: его кони на целую голову опередили коней противника. Но в то же мгновение Луций, будто он только этого и ждал, взмахнув хлыстом, провел кровавую черту на крупах своей четверки. От изумления и боли благородные животные громко заржали. А затем, в едином порыве,

летя, как орел, как стрела, как буря, они обогнали сирийца, покрыли оставшееся расстояние и, опередив соперника на пятьдесят шагов, встали у поворота как вкопанные. Семь витков вокруг арены были завершены.

Цирк взорвался криками, в которых звучал восторг, доходивший до неистовства. Этот неизвестный молодой римлянин, вчера победивший в борьбе, а сегодня в ристании, быть может, был Тесей, Кастор или сам Аполлон, решивший еще раз сойти на землю; но в любом случае это был любимец богов; он, между тем, словно такие триумфы были для него привычны, легко соскочил с колесницы на спину и по нескольким ступенькам поднялся на возвышение, где предстал взорам зрителей. Глашатай возвестил о его победе, а проконсул Лентул, спустившись из своей ложи, вручил ему ветвь идумейской пальмы и возложил на голову венок из золотых и серебряных листьев, перевитых пурпурными лентами. А денежный приз – бронзовую вазу, полную золотых монет, Луций вернул проконсулу, попросив от его имени раздать деньги престарелым бедняками и сиротам.

Затем он сделал знак Спору, и тот подбежал к нему, держа в руках голубку, взятую им утром из птичника Актеи. Луций обвязал шею птицы Венеры пурпурной лентой от венка с двумя золотыми листочками и выпустил голубку. Вестница победы быстро полетела в ту часть города, где стоял дом Амикла.

V

Как мы уже отметили, две победы подряд, одержанные Луцием и сопровождавшиеся необычными обстоятельствами, произвели сильное впечатление на зрителей. Некогда Греция была землей, любимой богами. Аполлон, изгнанный с небес, стал пастухом и пас стада фессалийского царя Адмета. Венера, рожденная в морской пучине и влет комая тритонами к ближнему берегу, вышла на сушу у Гелоса.⁹⁹ Она сама выбирала места для своих святилищ, и из всех краев земли предпочла Книд, Пафос, Идалий.¹⁰⁰ и Киферу. Наконец, жители Аркадии, оспаривая у критян честь быть соотечественниками царя богов, утверждали, что Юпитер родился на Ликейских горах¹⁰¹ Пусть их притязание и было необоснованным, однако не вызывало сомнений, что Юпитер, верный светлым воспоминаниям детства, выбирая себе владения, воздвиг трон на вершине Олимпа. И вот благодаря Лу-

⁹⁹ Гелос – селение в Лакедемоне, на берегу Лаконского залива, против которого расположен остров Кифера.

¹⁰⁰ Идалий – город в центральной части Кипра, построенный, согласно преданию киприотов, героем Троянской войны Халканором, который основал в своей новой крепости 14 святилищ – Афродите, Афине и другим богам.

¹⁰¹ По наиболее распространенной в Элладе версии, Зевс родился в пещере горы Дикта на восточной оконечности Крита; местная аркадская легенда называет местом рождения отца богов и людей (а также бога Пана) горную цепь Ликей в Аркадии.

цию все эти легендарные события ожили в поэтическом воображении народа, у которого римляне отняли будущее, но не смогли отобрать прошлое. По этой причине певцы, собиравшиеся оспаривать награду у Луция, увидев злополучие тех, кто хотел победить его в борьбе и в ристаниях, отказались от участия в состязании. Все вспомнили о судьбе Марсия, состязавшегося с Аполлоном,¹⁰² и Пиэрид, бросивших вызов музам.¹⁰³ Итак, Луций остался единственным из пяти певцов, притязавших на венок; однако проконсул решил, что праздник все же состоится в назначенный день и час.

Тема выступления, выбранная Луцием, вызвала большой интерес у коринфян: это была поэма о Мее, написанная, по слухам, самим императором Цезарем Нероном.¹⁰⁴ Как известно, эта колдунья, которую Ясон похитил, привез в Коринф и там покинул, привела к подножию алтаря двух своих

¹⁰² Согласно греческим мифам, сатир Марсий достиг высшего мастерства в игре на флейте и вызвал на состязание Аполлона; Аполлон, играя на кифаре, победил Марсия и содрал с него кожу.

¹⁰³ По греческому мифу, девять дочерей некоего Пиэра носили те же имена, что и музы; они вызвали муз на состязание, были побеждены и превращены в сорок. Пиэридами греки называли и самих муз, объясняя это тем, что некий выходец из Македонии Пиэр прибыл во Фракию и дал свое имя местности Пиэрия, где обитали музы.

¹⁰⁴ Неронова поэма «Меея» – вымысел Дюма. Существовала трагедия «Меея» (это была классическая «трагедия для чтения», не предназначенная к сценической постановке), написанная философом-стоиком, воспитателем Нерона Луцием Аннеем Сенекой (ок. 4 – 65); впрочем, ряд исследователей считает, что Сенека-трагик не тождествен знаменитому философу.

сыновей, оставив их под защитой богов, а сама в это время сгубила соперницу отравленной туникой, наподобие той, что была пропитана кровью Несса. Но коринфяне, возмущенные преступлением матери, вытащили детей из храма и побили их камнями.¹⁰⁵ Это кощунство не осталось безнаказанным, боги отомстили за свое поруганное величие, и всех детей Коринфа поразила тяжкая болезнь. С тех пор минуло более пятнадцати веков,¹⁰⁶ и потомки убийц отрицали преступление, совершенное их предками. Но праздник, ежегодно отмечавшийся в день убийства двух невинных жертв, обычай, предписывавший одевать детей в черное и обривать им до пятилетнего возраста головы в знак покаяния, были веским доказательством того, что страшная правда превозмогла все отпирательства. Легко себе представить, насколько эта тема усилила любопытство зрителей.

Театр в Коринфе был значительно меньше, чем стадион и ипподром: он был рассчитан только на двадцать тысяч зрителей и не мог вместить несметные толпы, стекшиеся в город на игры. Поэтому самым знатным коринфянам и наиболее уважаемым иностранцам раздали небольшие таблич-

¹⁰⁵ По одной, более распространенной версии мифа, Медея сама убила своих сыновей. По другой – она оставила детей молящимися у алтаря Геры, и коринфяне, мстя за убитую царевну Главку, убили их. Гера сочла это святотатством и предала проклятию Коринф.

¹⁰⁶ По вычислениям древних, поход аргонавтов, а значит, и встреча Ясона с Медеей произошли поколением раньше Троянской войны, т. е. приблизительно за 13–14 веков до описанных событий.

ки слоновой кости с номерами, соответствовавшими местам на ступеньках театра. У каждого ряда стоял служитель, чьей обязанностью было рассаживать зрителей и следить, чтобы никто не занял чужого места; таким образом, несмотря на то что снаружи напирала толпа, порядок было соблюден.

Чтобы смягчить жгучие лучи майского солнца, над театром натянули громадный веларий – лазурное шелковое полотнище, усеянное золотыми звездами; посредине его в лучезарном круге был изображен император Нерон в одеянии триумфатора и на колеснице, запряженной четверкой. Несмотря на тень, которой покрывало театр это подобие тента, жара в театре была такой сильной, что многие молодые люди держали большие опахала из павлиньих перьев и обмахивали ими женщин, не сидевших, а скорее возлежавших на пурпурных подушках или персидских коврах, заранее принесенных рабами. Среди этих женщин была и Актея; не осмелившись надеть один из венков, преподнесенных ей победителем, она вплела в волосы два золотых листочка, принесенные голубкой. Но вместо молодых и веселых поклонников, окружавших большинство других женщин в театре, рядом с нею был ее отец. На его величаво-прекрасном лице, суровом и в то же время приветливом, ясно читалось, с каким волнением он следил за успехами гостя, как гордился его триумфами. Это он, веря в удачу Луция, уговорил дочь прийти с ним в театр: он не сомневался, что и на этот раз Луций одержит победу.

Приближалось время начала представления, и все зрители были охвачены любопытством и нетерпением, когда вдруг раздался звук, похожий на раскат грома, и на зрителей пролился дождик, увлажнивший воздух и наполнивший его ароматом. Все присутствующие захлопали в ладоши: этот гром, изобретение Клавдия Пульхра,¹⁰⁷ производили за сценой два человека, перекатывая камни в бронзовом сосуде, и он служил сигналом к началу представления. А дождик был не что иное, как душистая роса, приготовленная из настоя киликийского шафрана и разбрызгиваемая из статуй, которые возвышались над театром по всей его окружности. Через мгновение занавес раздвинулся и вышел Луций с лирой в руках. Слева от него шел гистрион Парис: ему надлежало сопровождать жестами пение Луция; сзади – хор, предшествуемый хорегом¹⁰⁸ пением хора управлял флейтист, а за дви-

¹⁰⁷ Клавдий Пульхр придумал этот прием, сохранивший его имя. (Примеч. автора.) **Публий Клавдий Пульхр**, консул 249 г. до н. э., командуя флотом в Первой Пунической войне, желал дать карфагенянам морское сражение при порте Дрепаны (на западе Сицилии, в 25 км к северу от Лилибея). Предзнаменования (в Риме нельзя было ни начать битву, ни провести голосование и т. п. действий без соответствующих гаданий) оказались весьма неблагоприятными: священные куры не желали клевать предназначенную им пищу. По преданию, консул, сказав: «Не желают клевать – пусть пьют», выбросил птиц за борт, начал сражение и проиграл его. Привлеченный к суду за святотатство, он сорвал голосование в народном собрании, имитировав грозу, которая также считалась дурным знаменем для принятия решений. В конечном счете он был все же осужден и покончил с собой.

¹⁰⁸ Хорег – состоятельный афинский гражданин, бравший на себя расходы по постановке драмы, содержанию актеров и хора, а также решавший Технические

жениями следил мим.

С первых же нот, взятых молодым римлянином, зрителям стало ясно, что перед ними искусный и опытный певец. Ибо, вместо того чтобы сразу приступить к изложению сюжета, Луций предварил его своего рода гаммой, состоящей из двух октав и одной квинты, то есть показал самый большой звуковой объем человеческого голоса, какой был известен со времен Тимофея.¹⁰⁹ Закончив эту прелюдию столь же легко, сколь и безупречно, он приступил к повествованию.

Как мы уже сказали, это была история Медеи, женщины изумительной красоты, колдуньи, чьи чары были могущественны и опасны. Будучи искусным мастером в драматическом искусстве, император Клавдий Цезарь Нерон начал изложение мифа с того момента, когда Ясон на своем прекрасном корабле «Арго» приплывает к берегам Колхиды и встречает Медею, дочь царя Ээта, собирающую цветы. При первых словах песни Актея вздрогнула, ведь именно так и она повстречалась с Луцием. Ведь и она собирала цветы, когда изукрашенная золотом бирема бросила якорь у коринфского берега. А в вопросах Ясона и ответах Медеи она узнала те самые слова, какими она обменялась с молодым римлянином.

В это мгновение, как если бы для выражения столь нежных чувств требовалась особая гармония, Спор, воспользо-

и организационные вопросы. Здесь, возможно, просто руководитель хора.

¹⁰⁹ Тимофей (450 – до 360 до н. э.) – греческий музыкант и поэт; по преданию, усовершенствовал семиструнную кифару, сделав ее одиннадцатиструнной.

вавшись паузой, которую заполнил хор, принес другую лиру – одиннадцатиструнную для ионийского лада.¹¹⁰ Это был инструмент, подобный тому, чьи звуки Тимофей когда-то дал услышать лакедемонянам: эфоры сочли их столь пагубно расслабляющими,¹¹¹ что заявили, будто певец оскорбил величие древней музыки и сделал попытку развратить юных спартиатов. Следует помнить, однако, что лакедемоняне осудили Тимофея во времена битвы при Эгоспотамах,¹¹² сделавшей их властителями Афин.

Четыре столетия минуло с тех пор. Спарта была стерта с лица земли, Афины были в рабстве у Рима, Греция была низведена до уровня провинции. Сбылось пророчество Еврипида.¹¹³ И, вместо того чтобы руками палача срезать во испол-

¹¹⁰ Ионийский лад – один из смешанных ладов.

¹¹¹ Возложенный на спартанских эфоров контроль за неизменностью лакедонских законов понимался и как надзор за истинно спартанским, не подверженным чуждым иноземным влияниям образом жизни, – за развлечениями, семейной жизнью, формой бород и мн. др. Исполнение их приговоров предполагало обязательную публичность, даже если это было символическое уничтожение изобретенной Тимофеем кифары.

¹¹² Пелопоннесская война (431–404 до н. э.) между Афинами и Спартой за гегемонию в Элладе закончилась полной победой Спарты, причем решающее морское сражение, в котором афинский флот был практически уничтожен (на протяжении всей войны Спарта господствовала на суше, а Афины – на море) дал в 405 г. до н. э. спартанский военачальник Лисандр (ум. в 395 г. до н. э.) в устье реки Эгоспотама, протекающей на полуострове Херсонес Фракийский (соврем. Галлипольский полуостров) и впадающей в Геллеспонт (Дарданеллы).

¹¹³ Вероятно, имеется в виду сцена из трагедии Еврипида «Троянки»: троянская царевна Кассандра после гибели родного города прокликает греков-побе-

нение указа четыре струны у лиры-совратительницы, греки приветствовали Луция горячими рукоплесканиями, близкими к неистовству! Что до Актеи, то она слушала песнь онемев и затаив дыхание: ей казалось, что возлюбленный начал рассказывать ее собственную историю.

И в самом деле, Луций, как и Ясон, прибыл, чтобы завладеть ценнейшей наградой, и две первые, увенчавшиеся успехом попытки явно предвещали, что он, как и Ясон, станет победителем. Однако для прославления победы нужда была другая лира, не та, на которой певец восхвалял любовь. Спев о том, как Ясон повстречал Медею в храме Гекаты, как затем он заручился у своей прекрасной возлюбленной помощью ее чародейства и тремя талисманами, что должны были помочь одолеть грозные преграды на пути к золотому руно, Луций оставил прежнюю лиру и взял лидийскую. На этой лире, звуки которой были то низкими, то пронзительными, он начал рассказ о добывании руна. И тогда Актея вздрогнула всем телом: в ее воображении Ясон уже неотделим от Луция – вслед за героем, умашенным соками волшебных трав, делающими тело неуязвимым, она вступает за первую ограду, где перед ним предстают два громадных быка Вулкана с медными рогами и копытами, с огнедышащей пастью.¹¹⁴ Но едва Ясон до-

дителей и сулит им страшные беды в будущем.

¹¹⁴ Чтобы получить руно, Ясон должен был запрячь двух огнедышащих медноногих (!) быков, сотворенных Гефестом (рим. Вулканом), вспахать поле, посвященное Арею (рим. Марсу), а затем засеять его зубами дракона, подаренными Эту Афиной. Все это ему помогла совершить Медея в обмен на обещание же-

тронулся до них заколдованным бичом, как они безропотно дали впрячь себя в алмазный плуг, и чудо-пахарь взбороздил четыре арпана целинного поля, посвященного Марсу. Потом он преодолевает вторую стену, и Актея следует за ним; едва он появляется там, как из рощи оливок и олеандров поднимает голову прячущийся там громадный змей и с шипением бросается на героя. Тут начинается смертельный бой, но Ясон неуязвим: напрасно змей ломает зубы, пытаясь схватить его, напрасно свивается кольцами. Зато Ясон каждым ударом меча наносит ему глубокие раны; теперь уже чудовище пятится, а Ясон нападает; змей спасается бегством, а человек преследует его. Змей вползает в узкую темную пещеру; Ясон, тоже ползком, пробирается туда за ним и вскоре выходит, неся отрубленную голову своего противника. Он возвращается на вспаханное поле и глубокие борозды, прорытые в земле лемехом его плуга, засеивает зубами чудовища. И в то же мгновение из волшебной борозды встают живые существа, вооруженное племя. Воины нападают на Ясона; но ему достаточно бросить в них камень, что дала ему Медея: воины тотчас обращают оружие друг против друга и, увлеченные взаимным истреблением, забывают о Ясоне, а ему удается проникнуть за третью стену. Там посреди поляны стоит дерево с серебряным стволом, изумрудными листьями и рубиновыми плодами. На ветвях этого дерева висит золотое руно – шку-

ниться на ней и увезти в Аргос.

ра золотого барана, принадлежавшего Фриксу.¹¹⁵ Но у Ясона остается последний противник, более грозный и более могучий, нежели те, с которыми он уже сразился: это гигантский дракон с громадными крыльями. Он покрыт алмазной чешуей, делающей его столь же неуязвимым, как и напавший на него Ясон. Поэтому для победы над этим последним врагом требуется совсем иное оружие: золотая чаша, наполненная молоком. Ясон ставит чашу на землю; чудовище пьет молоко, в которое подмешано сонное зелье, и впадает в глубокий сон, а отважный сын Эсона тем временем похищает золотое руно. В этом месте Луций снова берет ионийскую лиру: Медея ждет победителя, и Ясону нужно найти такие покоряющие слова любви, что убедили бы возлюбленную покинуть отца и отечество и уплыть с ним по волнам. В душе Медеи происходит долгая, мучительная борьба, но в конце концов побеждает любовь: дрожащая, полуодетая девушка покидает спящего родителя, но, дойдя до ворот дворца, она ощущает желание еще один, последний раз повидать того, кто дал ей жизнь. Тихонько ступая, затаив дыхание, она входит в покои старца, наклоняется к нему и на его челе, обрамленном сединами, запечатлеывает поцелуй вечной разлуки. Раздается надрывный крик, который спящий принимает за сновидение, и Медея спешит в объятия возлюбленного. Он ждет ее в порту и, бесчувственную, относит на корабль – на чудесный

¹¹⁵ История Фрикса и Геллы, детей царя Афаманта и богини облаков Нефелы, изложена в романе «Исаак Лакедем».

корабль, который на верфях Иолка строила сама Минерва и под килем которого стихают послушные волны. Придя в себя, Медея видит, как тают на горизонте родные берега, и понимает, что покинула Азию ради Европы, отца – ради супруга, прошлое – ради будущего.

Эту вторую часть поэмы Луций спел с такой страстью и таким воодушевлением, что все женщины слушали его в сильном волнении, и особенно Актея. Подобно героине поэмы, охваченная сладостной любовной дрожью, с неподвижным взглядом, не произнося ни звука, почти не дыша, она, казалось ей, слушала, как рассказывают ее собственную историю, видела собственную жизнь, свое прошлое и будущее, которые являла ей какая-то волшебная сила. Поэтому в то мгновение, когда Медея касается губами убеленного сединами чела Ээта и из ее страждущего сердца вырывается последнее рыдание умирающей дочерней любви, побледневшая, смятенная Актея прижалась к Амиклу и положила голову на плечо старца. Что касается Луция, то его триумф был полным: если в перерыве после первой части поэмы его наградили бешеными рукоплесканиями, то сейчас раздались восторженные крики и топот. И только он сам, приступив к третьей части своей драмы, смог заставить умолкнуть эти иступленные вопли.

В этот раз он снова сменил лиру: теперь ему предстояло воспеть не девственную любовь, не восторги сладострастия, не триумф воина и влюбленного, но неблагодарность мужчи-

ны и ревнивое исступление женщины. Он должен был петь о любви неистойвой, бешеной, близкой к безумию, любви мстительной и кровожадной, и лишь дорийский лад способен был выразить все ее страдания и всю ее ярость.¹¹⁶

Медея странствует по свету на волшебном корабле; она находит временное убежище у феаков,¹¹⁷ высаживается на берег в Иолке, чтобы выполнить дочерний долг, возвратив молодость отцу Ясона. Наконец она достигает Коринфа, и там возлюбленный покидает ее, чтобы взять в жены Креусу, дочь царя Эпирского.¹¹⁸ И тогда верная возлюбленная превращается в фурию, одержимую ревностью. Она пропитывает жгучим ядом тунику и посылает ее невесте, которая доверчиво облачается в нее. Царевна погибает в страшных мучениях на глазах у неверного Ясона. А теряющая рассудок от отчаяния Медея, чтобы материнские чувства не могли воскресить в ней память о любви, своей рукой убивает обоих сыновей и улетает прочь на колеснице, запряженной крылатыми драконами.

¹¹⁶ Вряд ли с помощью дорийского лада можно было выразить эти чувства.

¹¹⁷ Миф об аргонавтах содержит непреодолимое противоречие, связанное с недостаточными географическими знаниями греков в эпоху его создания: отправляясь в Колхиду с восточного побережья Греции, аргонавты в конце путешествия неизвестно каким кружным северным путем приплывают к феакам – т. е. к острову Керкире, который находится у западного побережья Греции.

¹¹⁸ Разные источники по-разному именуют дочь коринфского (не эпирского) царя Креонта, из-за которой Ясон бросил Медею: ее называют либо Главка, либо Креуса.

Такое изложение событий, когда певец, вслед за Еврипидом, обвинил в убийстве детей их собственную мать,¹¹⁹ льстило гордости коринфян, и потому в театре раздались не просто рукоплескания, а восторженные крики и топот. Слышалось также щелканье кастаньет – этими инструментами зрители выражали крайнюю степень восхищения. И наградой чудесному певцу стал не только венок, врученный проконсулом, а целый дождь цветов и цветочных гирлянд: женщины срывали их с головы и в исступленном восторге бросали на оркестру.¹²⁰ В какое-то мгновение казалось даже, что Луций может задохнуться под всеми этими венками, словно Тарпея под щитами сабинских воинов.¹²¹ Тем более что он, неподвижный и с виду безразличный к этому неслыханному триумфу, искал взглядом среди этих женщин ту, ради кого он жаждал победить. Наконец, он заметил ее: почти без

¹¹⁹ В трагедии «Медea» Еврипид следует той версии мифа о Мeдее, согласно которой она сама убивает своих детей.

¹²⁰ Оркестра – в греческом театре площадка между сценой и сидениями для зрителей, предназначенная для хора.

¹²¹ По римскому преданию, во время войны римлян с сабинянами некий Спурий Тарпей оборонял цитадель Города – Капитолий. Его дочь Тарпей соблазнилась на обещания сабинян подарить ей то, что они носят на левой руке (подразумевались золотые браслеты), и открыла ворота крепости. Войдя в крепость, сабиняне забросали ее щитами, которые они тоже носили на левой руке. (По имени Тарпей римляне называли известную скалу, с которой сбрасывали преступников.) Существовала, однако, и оправдывающая Тарпею версия: девушка имела в виду именно щиты, надеясь оставить сабинян без оборонительного вооружения, но те разгадали этот замысел и умертвили ее.

чувств, Актея упала в объятия отца, и из всех коринфских красавиц у нее одной еще были цветы на голове. И тогда он так нежно взглянул на нее, с такой мольбой протянул к ней руки, что она сняла венок, но у нее не доставало сил добросить его до Луция: она просто уронила его посреди оркестры и со слезами снова бросилась в объятия отца. На рассвете следующего дня по синим волнам Коринфского залива скользила изукрашенная золотом бирема, невесомая и волшебная, словно корабль «Арго». Подобно «Арго», она уносила вдаль новую Медею, изменившую своему отцу и своей стране – это была Актея. Бледная, опираясь на руку Луция, она стояла на кормовом возвышении и словно сквозь туман смотрела, как постепенно удаляются горы Киферона, у подножия которых раскинулся Коринф. Так она стояла неподвижно, не отводя глаз, полуоткрыв рот, пока можно было различить город на вершине холма и крепость, господствующую над городом. А потом, когда город первым исчез за морскими валами, когда крепость, превратившаяся в белую точку, затерянную в пространстве, еще какое-то время покачалась на гребне волн и пропала, подобно нырнувшему алкиону, из груди Актеи вырвался вздох, исчерпавший все силы души, колени ее подогнулись, и она упала без чувств к ногам Луция.

VI

Когда юная беглянка открыла глаза, она увидела, что находится в каюте корабля: у ее ложа сидел Луций и поддерживал ее голову с разметавшимися волосами. А в углу, мирно и кротко, словно газель, спала тигрица, свернувшись в калачик на пурпурном, шитом золотом ковре. Была ночь, и сквозь отверстие в потолке виднелось прекрасное темно-синее небо Ионии,¹²² сплошь усеянное звездами. Бирема легко скользила по волнам; ласковое море покачивало эту огромную колыбель, как кормилица качает люльку с ребенком. В уснувшей природе царили такой покой и такая непорочность, что на мгновение Актее показалось, будто все случившееся только приснилось ей и что она все еще поживает под девственным покровом своих отроческих лет. Однако Луций, следивший за каждым ее движением, заметил, что она проснулась. Он щелкнул пальцами – в комнату вошла прекрасная молодая рабыня с горящей восковой палочкой в руке и зажгла от нее золотой светильник, укрепленный на бронзовом канделябре у изножья кровати. С того мгновения как девушка вошла, Актея не сводила с нее глаз и разглядывала ее со все возрастающим вниманием: она, несомненно, видела эту рабыню впервые, однако та не казалась ей вовсе незнакомой. Более

¹²² Иония – здесь, видимо, Ионическое море с Коринфским заливом.

того, ее черты пробуждали в памяти какие-то недавние воспоминания. И все же ей не удавалось подобрать какое-нибудь имя к этому юному и задумчивому лицу. В голове у бедной девушки теснилось такое множество разных мыслей, что она, не в силах вынести их напор, снова уронила голову на подушку. Тогда Луций, подумав, что она хочет спать, знаком велел рабыне оберегать ее сон и вышел из каюты. Оставшись наедине с Актеей, рабыня взглянула на нее с невыразимой грустью, затем улеглась на пурпурный ковер, где спала Феба, и положила голову ей на плечо как на подушку. Потревоженная во сне тигрица приоткрыла свирепо сверкнувший глаз, но, узнав дружеское лицо, вместо того чтобы наказать рабыню за такую дерзость, несколько раз лизнула ее нежную руку кончиком ярко-красного языка, а затем опять лениво растянулась на ковре со вздохом, похожим на рычание.

В это мгновение с палубы корабля донеслась чарующая музыка: это был хор, который Актея уже слышала однажды, когда бирема вошла в гавань Коринфа. Но сейчас, в пустынной тишине ночи, он звучал еще волшебнее и еще таинственнее; вскоре вместо стройного созвучия нескольких голосов послышался голос одного певца. Луций пел гимн Нептуну, и Актея узнала звенящие звуки: это на них вчера в театре отозвались самые сокровенные струны ее сердца; пение было столь звонким и благозвучным, что казалось, будто это сирены Палинурского мыса летят над кораблем нового Улис-

са.¹²³ Актея, покоренная необоримым очарованием музыки, открыла утомленные глаза и, глядя на звезды над головой, мало-помалу забыла свои сожаления и горести и вся отдалась мыслям о своей любви. Давно уже умолкли последние аккорды лиры и последние переливы голоса певца – они затихали медленно, словно уносились на крыльях гениев воздуха, – а Актея все еще вслушивалась, покоренная чудесной мелодией. Наконец она опустила глаза, и ее взгляд снова встретился с глазами юной рабыни. Казалось, та, подобно хозяйке, тоже была во власти каких-то чар. Когда взгляды обеих женщин скрестились, Актея убедилась окончательно, что эти печальные глаза не впервые охватывают ее своим быстрым лучистым взором. Актея сделала знак – рабыня встала; некоторое время обе безмолвствовали. Затем Актея первая нарушила молчание.

– Как твое имя, девушка? – спросила она.

– Сабина, – ответила рабыня.

При этом слове Актея вздрогнула: голос девушки, как и лицо, не был ей незнаком. Однако само имя не вызывало никаких воспоминаний.

– Где твоя родина? – продолжала расспрашивать она.

– Я покинула ее так рано, что у меня нет родины.

– Кто твой хозяин?

¹²³ Странствия Одиссея современные ученые помещают в Западное Средиземноморье, но античные мифы не локализуют местопребывание острова сирен, и мыс Палинур на тирренском побережье Южной Италии (к северо-западу от залива Поликастро) в них не упоминается.

– Вчера я принадлежала Луцию, сегодня принадлежу Актею.

– И давно ты принадлежишь Луцию?

– С тех пор как себя помню.

– Наверно, ты очень предана ему?

– Как дочь отцу.

– Тогда сядь возле меня, и поговорим о нем.

Сабина повиновалась, но с явной неохотой; Актея подумала, что нерешительность девушки вызвана страхом, и взяла ее за руку, желая успокоить. Рука была холодна как мрамор; но хозяйка тянула рабыню к себе, и та, уступив, не села, а скорее упала в кресло, на которое указала Актея.

– Я тебя видела раньше, так ведь? – продолжала Актея.

– Не думаю, – с запинкой ответила рабыня.

– На стадионе, в цирке, в театре?

– Я не сходила на берег.

– И ты не была на состязаниях, не видела побед Луция?

– Я привыкла к его победам.

После этих вопросов, задаваемых со всё возрастающим любопытством, и ответов, произносимых с заметной неохотой, вновь наступило молчание. Недовольство рабыни было так очевидно, что ошибиться Актея не могла.

– Послушай, Сабина, – сказал она, – я вижу, как тяжело тебе менять хозяина: я скажу Луцию, что ты не хочешь его покидать.

– Нет, нет, не надо! – дрожа, воскликнула рабыня. – Когда

Луций приказывает, нужно повиноваться.

– Значит, его гнев опасен? – с улыбкой спросила Актея.

– Еще бы! – ответила рабыня с выражением такого ужаса, что Актея невольно вздрогнула.

– Однако, – продолжала она, – те, кто его окружает, как видно, любят его: вот хотя бы юноша Спор...

– Спор... – прошептала рабыня.

Внезапно слова замерли на устах Актеи: она вспомнила, на кого была похожа Сабина. Сходство это было поразительным, и она, удивленная тем, что не заметила этого сразу, схватила девушку за обе руки и, глядя ей в лицо, спросила:

– Ты знаешь Спора?

– Это мой брат, – пролепетала девушка.

– И где он сейчас?

– Он остался в Коринфе.

В это мгновение дверь отворилась и вошел Луций.

Актея, все еще державшая Сабину за обе руки, ощутила, как по телу рабыни прошла ледяная дрожь. Луций окинул эту странную сцену пронизательным взглядом своих голубых глаз и после минутного молчания сказал:

– Возлюбленная Актея, не хочешь ли встретить наступающий рассвет и подышать чистым утренним воздухом?

В этом голосе, таком, казалось бы, мягком и спокойном, ощущалось что-то резкое, и если можно так сказать, металлическое; Актея впервые обратила на это внимание, и смутное чувство, похожее на страх, так глубоко проникло в ее ду-

шу, что вопрос показался ей приказом, и, вместо того чтобы ответить, она повиновалась. Но у нее не хватило сил исполнить желаемое, она пошатнулась и упала бы, если бы Луций не бросился к ней и не подхватил ее. Она почувствовала, как возлюбленный уносит ее так легко, как орел нес бы голубку, и, вся дрожа от безотчетного страха, причины которого не могла понять, позволила нести себя – безмолвно, закрыв глаза, словно этот путь вел к пропасти.

Оказавшись на палубе корабля, она почувствовала прилив сил: настолько чистым и благоуханным было дуновение бриза, и к тому же она больше не была на руках у Луция. Собравшись с духом, она открыла глаза и увидела, что находится на кормовом возвышении, лежит в гамаке, сплетенном из золотых нитей и привязанном одним концом к мачте, а другим – к маленькой резной колонке, будто нарочно поставленной для этого. Рядом с нею, прислонившись спиной к мачте, стоял Луций.

Ночью корабль с попутным ветром вышел из Коринфского залива и, обогнув Элидский мыс,¹²⁴ прошел между Закинфом и Кефалленией;¹²⁵ солнце, казалось, вставало позади этих двух островов, и его первые лучи освещали зубцы гор, разделявших их надвое, в то время как с западной стороны горы еще тонули во мраке. Актея не имела никакого пред-

¹²⁴ Элидский мыс – крайняя западная точка Пелопоннеса.

¹²⁵ Закинф и Кефалления – острова у выхода из Коринфского залива в Ионическое море.

ставления, где она находилась, поэтому повернулась к Луцию и спросила:

– Это еще Греция?

– Да, – ответил Луций, – и это благоухание, долетающее до нас как прощальный привет, – аромат розовых садов Самы и померанцевых рощ Закинфа: для этих близнецов не существует зимы, и они раскрываются под солнцем, словно две корзины с цветами. Желает ли моя милая Актея, чтобы я построил ей по дворцу на каждом из этих островов?

– Луций, – ответила Актея, – порой ты пугаешь меня, давая такие обещания, что их смог бы выполнить только бессмертный бог. Кто ты такой и что ты скрываешь от меня? Быть может, ты сам Юпитер Громовержец? Тогда, наверно, ты боишься показаться мне во всем божественном величии, чтобы твоя молния не испепелила меня, как случилось с Семелой.¹²⁶

– Ты заблуждаешься, – с улыбкой ответил Луций, – я всего лишь бедный певец: дядя оставил мне все свое состояние с условием, что я буду носить его имя. Единственное мое могущество, Актея, это сила моей любви; но я чувствую, что ее мне хватило бы на двенадцать подвигов Геркулеса.

¹²⁶ Семела, финикийская царевна, возлюбленная Зевса, мать Диониса, встрелась со своим божественным любовником лишь под покровом ночи. Ревнивая Гера внушила Семеле мысль попросить Зевса явиться ей в подлинном виде. Тот предстал перед Семелой в пламени молний и испепелил ее. Родившегося при этом недоношенного шестимесячного младенца Зевс выхватил из пламени и зашил себе в бедро, откуда и родился Дионис.

– Значит, ты любишь меня? – спросила девушка.

– Да, душа моя! – ответил Луций.

Римлянин произнес эти слова с такой пылкостью и такой искренностью, что его возлюбленная воздела руки к небесам, как бы желая поблагодарить их за свое счастье: в эту минуту она забыла обо всем, сожаления и угрызения совести изгладились в ее душе, подобно тому, как скрылась из глаз ее родина, исчезающая за горизонтом.

Так они плыли шесть дней по синему морю, под синим небом. На седьмой день показались Локры,¹²⁷ – город, построенный воинами Аякса. Затем, обогнув мыс Геркулеса, они вошли в Сицилийский пролив; слева от них осталась Мессина¹²⁸ прежде называвшаяся Занкла, с гаванью, изогнутой словно серп, а справа – Регий,¹²⁹ у которого тиран

¹²⁷ Локры – город на юге Италии, на побережье Ионического моря; был основан не ранее VII в. до н. э. выходцами из Локриды в Средней Греции; легендарным царем Локриды был участник Троянской войны (по преданиям, живший где-то за полтысячелетия до основания Локр) Аякс Оилид.

¹²⁸ Мессина – город в Сицилии на берегу Мессинского пролива, отделяющего остров от материка. Первоначально носил название Занкла, но в первой половине V в. до н. э. тиран (единоличный правитель) города Регий Анаксилай захватил Занклу и заселил ее новыми жителями, назвав Мессеной (римляне переделали название в Мессану).

¹²⁹ Регий (соврем. Реджо-ди-Калабрия) – город на итальянском берегу Мессинского пролива. В 387 г. до н. э. его взял и разрушил создатель мощного государства на большей части Сицилии и в некоторых областях Южной Италии Дионисий I (или Старший; ок. 422–367 до н. э.), захвативший в 406 г. до н. э. власть в крупнейшем городе Сицилии – Сиракузах. Официально Дионисий именовался стратегом-автократом (т. е. военачальником-самодержцем).

Дионисий потребовал себе жену и который предложил ему дочь палача. Затем, бесстрашно проплыв между бурлящей Харибдой и лающей Сциллою,¹³⁰ они простились с волнами Ионического моря и вошли в Тирренское, освещаемое вулканом Стронгилы, вечным маяком средиземноморских просторов. Так они плыли еще пять дней, то под парусом, то на веслах, и перед ними вставали сначала Элея: возле нее еще можно было разглядеть развалины гробницы Палинура,¹³¹ затем – Пестум,¹³² с его тремя храмами, Капрея с ее двенадцатью дворцами. И вот, наконец, они вошли в великолепный залив; в глубине его возвышался Неаполис¹³³ прекрасный сын Греции, вольноотпущенник Рима, беспечно расположившийся у подножия дымящегося Везувия: справа от него находились Геркуланум, Помпеи и Стабия – двадцать лет спустя им предстояло исчезнуть в лавовой могиле;¹³⁴ сле-

¹³⁰ Харибда и Сцилла находились на берегах узкого пролива, не локализованного древними, но начиная с XIX в. отождествлявшегося учеными с Мессинским проливом.

¹³¹ Палинур – кормчий Энея; был низвергнут с корабля в море и выброшен волнами к гавани греческого поселения Элея (рим. Велія; соврем. Каstellам-маре ди Велія) в Кампании, к северо-западу от мыса Палинур («Энеида», V, 840–870; VI, 327–383).

¹³² Пестум (гр. Посидония) – город на берегу Салернского залива, к югу от Неаполя.

¹³³ Неаполис (букв. гр. Новый город) – имеется в виду Неаполь.

¹³⁴ Геркуланум, Помпеи и Стабия – города близ Неаполя, погибшие при извержении Везувия в 79 г. н. э.

ва были ПUTEОЛЫ,¹³⁵ с их огромным портом, Байи, так страшившие Проперция¹³⁶ и Бавлы¹³⁷ – их вскоре должно было сделать знаменитыми матереубийство Нерона.

Как только Луций увидел город, он приказал сменить белые паруса своей биремы на пурпурные и украсить мачту веткой лавра; очевидно, это был условный сигнал, возвещавший о победе, потому что, едва укрепили ветку, на берегу возникло оживленное движение – народ устремился на встречу олимпийскому кораблю, вошедшему в гавань под звуки музыки, пение матросов и рукоплескания толпы. Луция ждала колесница, запряженная четверкой белых коней. В пурпурной тоге, накинутой поверх синей, расшитой золотыми звездами хламиды, он поднялся на колесницу; на голову он надел олимпийский венок из оливковых ветвей, а в руке держал пифийский венок из лавра.¹³⁸ В городской сте-

¹³⁵ ПUTEОЛЫ (соврем. Пуццولي) – приморский город в Кампании, вблизи Неаполя, к западу от него; прежде греческая колония Дикеархия; значительный торговый порт древности – с искусственной гаванью, позволявшей принимать большие грузовые корабли.

¹³⁶ Секст Проперций (ок. 50–15 до н. э.) – римский поэт, автор элегий, в которых он воспевал древний золотой век с его простотой и чистотой нравов и предрекал будущую гибель Рима от богатства. Дюма, видимо, намекает на строчки Проперция, где поэт говорит о возможности измены его возлюбленной – Коринфии, отдыхающей без него на модном курорте: «Но ведь на Байях всякий соперник страшит» (Элегии, I, 11, 18. – Перевод Л. Остроумова).

¹³⁷ Бавлы – селение на берегу ПUTEОЛАНСКОГО залива, между Байями и Мизенами; там располагался императорский дворец.

¹³⁸ То есть завоеванный на Пифийских играх.

не был сделан пролом, и победитель игр вошел в город как завоеватель.

На всем пути Луция ждали подобные празднества и ему воздавались такие же почести. В городе Фунды.¹³⁹ жил некий шестидесятипятилетний старик, чей род был древнее самого Рима; после африканской войны он был удостоен овации и трех жреческих званий. Этот человек устроил в честь Луция великолепные игры и сам вышел навстречу объявить, что игры посвящаются ему. Такой поступок со стороны столь видного человека произвел, судя по всему, сильное впечатление на свиту Луция, разраставшуюся с каждым днем. Об этом старике рассказывали странные вещи. Когда один из его прадедов совершал жертвоприношение, на жертвенное животное вдруг бросился орел, вырвал у него внутренности и, держа их в клюве, вместе с ними взлетел на ветвь дуба. И было тогда предсказано, что один из потомков этого человека станет императором. Поговаривали, будто старый Гальба¹⁴⁰ и есть этот самый потомок. Однажды он, еще ребенком,

¹³⁹ Фунды – город на Аппиевой дороге, в 90 км к северо-западу от Неаполя. ... после африканской войны он был удостоен овации и трех жреческих званий. – Овация – малый триумф в Древнем Риме. Во время овации чествуемый двигался пешком, а не на колеснице. Овация присуждалась за победы, недостаточные для полного триумфа. Так, овацию получил Кресе за победу над Спартаксом: Кресе спас Римское государство, но все же сражался, с точки зрения римлян, не с достойным противником, а с взбунтовавшимися рабами.

¹⁴⁰ Гальба, Сервий Сульпиций (5 до н. э. – 69 н. э.) – римский император с 68 г. из старинного патрицианского рода; в 39–41 гг., в должности наместника провинции Верхняя Германия сражался с германскими племенами; в 45–46 гг. был

пришел вместе со сверстниками приветствовать Октавиана, и тот, внезапно обретя дар прозрения, погладил мальчика по щеке и воскликнул: «И ты, дитя, отведаешь нашей власти!» Ливия¹⁴¹ так любила его, что завещала ему пятьдесят миллионов сестерциев; однако, поскольку величина дара была обозначена только цифрами, Тиберий сократил его до пяти-сот тысяч¹⁴² Возможно, ненависть старого императора, которому было известно о предсказании оракула, на этом бы не остановилась, если бы Фрасилл, его астролог, не сказал бы ему, что Гальбе суждено царствовать лишь в старости. «Пускай живет! – сказал тогда Тиберий, – мне это безразлично». И действительно, Тиберия уже не было в живых, на троне успели побывать Калигула и Клавдий, а сейчас его занимал Цезарь Нерон. Гальбе было шестьдесят пять лет, и ничто не

проконсулом провинции Африка (район нынешнего Туниса и Западной Ливии) и укрепил ее, измученную набегами варваров; с 60 г. был наместником провинции Испания Тарраконская (северная, центральная и восточная части Иберийского полуострова); опираясь на испанские легионы, принял участие в восстании против Нерона и после его свержения был провозглашен императором; свергнут восстанием преторианцев, поднятым Огоном; убит на римском Форуме. В описываемое время сенатору Гальбе было уже за шестьдесят – более чем почтенный возраст по тем временам.

¹⁴¹ Имеется в виду Ливия Друзилла (57 до н. э. – 29 н. э.), третья жена Августа и мать Тиберия.

¹⁴² Согласно принятой у римлян системе, число 50 000 000 записывалось как D с чертой сверху, а 500 000 – как D с чертой сверху. Таким образом, чтобы превратить первое из этих чисел во второе, достаточно было устранить вертикальные черточки по бокам цифры D. Светоний, впрочем, говорит о пяти миллионах. Насколько известно, даже эти пятьсот тысяч Гальбе не были выплачены.

предвещало, что он достигнет высшей власти. И все же, поскольку преемники Тиберия были ближе ко времени, когда должно было свершиться предсказанное событие, и могли отнестись к предсказанию не столь беспечно, Гальба всегда носил на шее подвешенный на цепочке кинжал и не расставался с ним даже ночью. Покидая дом, он всякий раз брал с собой миллион сестерциев золотом, на случай если пришлось бы бежать от ликторов или подкупать наемных убийц.

Победитель гостил у Гальбы два дня; в его честь устраивались празднества и триумфы. И там Актея стала свидетельницей такой предосторожности, которой Луций не принимал никогда прежде и смысла которой она не поняла: солдаты, вышедшие встречать его и сопровождавшие его во время триумфов, ночами бодрствовали в покоях, окружавших его спальню; а кроме того, у ее возлюбленного появилось странное обыкновение перед сном класть меч себе под изголовье. Актея не осмеливалась задавать вопросы, но инстинктивно чувствовала, что ему угрожает какая-то опасность, поэтому каждое утро настойчиво уговаривала его уехать. Наконец, на третий день, он покинул Фунды и, продолжая свой триумфальный путь по городам, куда он вступал сквозь пролом в стене, сопровождаемый свитой, скорее похожей на войско какого-нибудь сатрапа,¹⁴³ чем на свиту простого победителя игр, он достиг горы Альбано. Оказавшись на ее вершине, Актея вскрикнула от изумления и восхищения: в конце Ап-

¹⁴³ Сатрап – полновластный наместник персидского царя.

пиевой дороги перед ней предстал Рим во всей его громадности и во всем его великолепии.

И действительно, вид Рима, открывавшийся в эту минуту юной гречанке, был поразительным. Аппиеву дорогу, как самую живописную и самую значительную, называли царицей дорог: взяв начало у Тирренского моря, она преодолевала Апеннинский хребет, пересекала Калабрию¹⁴⁴ и заканчивалась на берегу Адриатики. От Альбано до Рима она служила местом прогулок, и, по обыкновению древних, видевших в смерти лишь обретение покоя и выбиравших для захоронения своего праха самые живописные и посещаемые места, по обеим сторонам дороги возвышались великолепные усыпальницы; среди них выделялась древностью могила Аскания; почиталась также гробница Горациев¹⁴⁵ из-за связан-

¹⁴⁴ Калабрия – область на крайнем юге Италии, в «носке» итальянского «сапожка».

¹⁴⁵ По римским преданиям, во время войны Рима с Альба Лонгой при царе Тулле Гостилии (правил в 672–640 гг. до н. э.) командующий альбанскими войсками предложил решить дело поединком. Со стороны римлян были выставлены трое братьев-близнецов Горациев, с альбанской – их двоюродные братья, тоже близнецы, трое Куриациев (матери Горациев и Куриациев также были близнецами). В конце концов двое Горациев пали в сражении, а троих раненых Куриациев сразил последний оставшийся в живых римлянин. После этого Альба Лонга добровольно подчинилась Риму. Сестра Горациев была помолвлена за одного из Куриациев и, узнав о смерти жениха, начала оплакивать его. Тогда Публий Гораций пронзил сестру мечом, заявив, что не следует скорбеть о неприятеле. За убийство римской гражданки Гораций был арестован (по подобному обвинению ему грозила смертная казнь), судим народным собранием и оправдан, как говорит античный историк, «скорее из восхищения доблестью, нежели по справед-

ных с ней героических воспоминаний, а мавзолеей Цецилии Метеллы поражал царственным великолепием.

В тот день прославленная дорога была полна любопытных, вышедших встречать Луция: одни ехали в роскошных колесницах, запряженных испанскими мулами в украшенной пурпуром сбруе; другие возлежали в носилках,¹⁴⁶ что несли восемь рабов, одетых в пенулы, а рядом бежали скороходы в высоко подобранных одеждах. Одним предшествовали нумидийские всадники, поднимавшие пыль и сгонявшие толпу с дороги; другие пускали впереди свору молосских псов в ошейниках с серебряными гвоздиками. Как только ехавшие первыми завидели победителя, их приветственные крики, перелетая из уст в уста, достигли стен города. В то же мгновение по приказу всадника, галопом взявшего с места, любопытные разместились по обеим сторонам дороги: при ее ширине в тридцать шесть ступней освободившегося пространства было достаточно, чтобы триумфальная квадрига легко могла продолжать свой путь к городу. Примерно в миле от городских ворот ее ожидал конный отряд; пять сотен

ливости». Общей гробницы Горациев не было – могилы двух убитых в бою Горациев были поставлены на поле боя рядом, трех Куриациев – поодаль, гробница сестры Горациев – на месте ее гибели.

¹⁴⁶ Средством передвижения знатных римлян были специальные носилки в виде ложа с балдахином; чем большее число рабов несло их, тем престижнее это считалось. По обычаю, носилками могли пользоваться лишь относительно слабые – женщины, старики, больные, тогда как для здоровых и сильных молодых и среднего возраста мужчин это рассматривалось как признак изнеженности. В действительности уже как минимум в I в. до н. э. этот обычай не соблюдался.

всадников поскакали во главе шествия. Они не успели продвинуться на пятьдесят шагов, как Актея заметила, что копыта у лошадей подкованы серебром;¹⁴⁷ плохо закрепленные подковы то и дело отваливались и катились по булыжникам дороги, и люди, стремясь подобрать их, в порыве алчности бросались прямо под копыта коней, рискуя быть раздавленными. Добравшись до городских ворот, победная колесница въехала в город под исступленные приветствия громадной толпы. Актея никак не могла понять причин такого восторга и все же поддалась общему опьянению. Она слышала, как в криках толпы, кроме имени Луция, звучало имя Цезаря. Она проезжала под триумфальными арками, по улицам, усыпанным цветами и окропленным благовониями. На всех перекрестках стояли алтари, где жрецы приносили жертвы Ларам,¹⁴⁸ отчизны. Она следовала по красивейшим кварталам города, через Большой цирк, в котором сломали три арки, чтобы пропустить квадригу, через Велабр¹⁴⁹ и Форум. Нако-

¹⁴⁷ Ковка лошадей серебряными подковами была признаком демонстративного расточительства, похвалой богатством не только в Римском государстве, но и в средние века.

¹⁴⁸ Лары – в римской религии покровители коллективов и их земель; существовали семейные лары, лары сельских общин и римской общины в целом. Культ последних отпраздновался особой коллегией жрецов – арвальских братьев, которые здесь и имеются в виду.

¹⁴⁹ Велабр – в долине Велабра были расположены две пары одноименных улиц и площадей, застроенных продуктовыми и гастрономическими лавками: Большой Велабр между Капитолием и Палатином, Малый – у подножья Эсквилина.

нец, въехав на Священную дорогу¹⁵⁰ шествие стало подниматься на Капитолийский холм и остановилось перед храмом Юпитера.

Тогда Луций сошел с колесницы и поднялся по ступенькам, ведущим к храму. Ожидавшие у дверей фламины¹⁵¹ повели его к подножию статуи Юпитера. Там он возложил на колени божества трофеи своих побед и на табличке массивного золота, поданной ему верховным жрецом, начертал стилетом следующую надпись:

«Луций Домици Клавдий Нерон,

**победитель в борьбе,
ристанях и состязании певцов,**

**посвятил эти три венка
Юпитеру Благому Величайшему»**

Среди бури приветственных возгласов, поднявшихся со

¹⁵⁰ Священная дорога – улица в Риме, проходившая через Форум, мимо Палаатинского холма к Капитолийскому.

¹⁵¹ Фламины – в Древнем Риме жрецы важнейших богов. Если название этой жреческой должности приводилось без упоминания божества, то подразумевались фламины Юпитера.

всех сторон, прозвучал крик ужаса: Актея поняла, что бедный певец, чьей возлюбленной она стала и с кем покинула родину, был не кто иной, как Цезарь Нерон.

VII

Среди победного ликования император, однако, не забыл об Актее. Юная гречанка еще не успела опомниться от изумления и испуга, которые испытала, узнав имя и титул своего возлюбленного, как к ней приблизились два либурнийских раба и от имени Нерона почтительно предложили ей следовать за ними. Актея машинально повиновалась, не зная, куда ее ведут, и даже не подумав спросить об этом, настолько она была подавлена страшной мыслью о том, что стала возлюбленной человека, чье имя все упоминали не иначе как с ужасом. У подножия Капитолия, между Табуларием.¹⁵² и храмом Конкордии¹⁵³ она увидела роскошные носилки; их держали шесть египетских рабов, чья грудь была украшена пластинами из полированного серебра в виде полумесяца, ноги и руки – браслетами из того же металла. Рядом с носилками сидела Сабина; во время триумфа Актея на какое-то время потеряла ее из виду, а теперь нашла опять – словно для того, что-

¹⁵² Табуларий – римский государственный архив, располагавшийся в разное время в разных храмах; после пожара Капитолия в 83 г. до н. э. находился в особом здании за храмом Сатурна на Капитолии.

¹⁵³ Конкордия – римское божество, олицетворявшее согласие между гражданами Рима. Первый храм Конкордии был воздвигнут на Форуме в 387 г. до н. э. в честь примирения патрициев и плебеев. Здесь имеется в виду построенный Цезарем в 44 г. до н. э. на Капитолии храм Согласия в ознаменование окончания гражданских войн.

бы прибавить к своим воспоминаниям недостающую часть. Актея села в носилки, раскинулась на шелковых подушках, и носилки двинулись в сторону Палатина¹⁵⁴ Рядом шла Сабина и защищала свою госпожу от солнца, держа над ней огромное опахало из павлиньих перьев, на длинной ручке из индийского тростника. На протяжении примерно трехсот шагов носилки следовали по Священной дороге тем же путем, которым проследовала Актея в свите Цезаря; затем, повернув направо, рабы пронесли ее между храмами Фебы¹⁵⁵ и Юпитера Статора¹⁵⁶ и поднялись по нескольким ступенькам на Палатин. Оказавшись на красивейшей площадке, венчающей холм, они обогнули ее с той стороны, что нависает над улицей Субура и Новой дорогой. Наконец носилки остановились напротив источника Ютурны, у дверей небольшого уединенного дома. Тут либурнийцы принесли две подножки, обитые пурпурным ковром, и приставили их к носилкам с обеих сторон, чтобы та, кого император назначил им госпо-

¹⁵⁴ Палатин – самый знаменитый из семи римских холмов и самая древняя часть Рима; здесь находились дворцы императоров, в том числе и Нерона.

¹⁵⁵ Феба – иное название богини Дианы; здесь имеется в виду храм Дианы на Авентине.

¹⁵⁶ Храмов Юпитера Статора («Останавливающего») в Риме было два. Древний, по преданию, дал обет основать еще Ромул, если Юпитер остановит бегущих от сабинян римлян. Вторично тот же обет принес Юпитеру в 294 г. до н. э. консул Марк Атилий Регул в битве с самнитами. Тогда же был воздвигнут храм у северной оконечности Палатинского холма (именно этот храм здесь имеется в виду). Второй храм был построен в 146 г. до н. э. полководцем Квинтом Цецилием Метеллом.

жой, не утруждала себя, знаком показывая, с какой стороны она желает сойти на землю.

Актею здесь ждали: при ее приближении дверь отворилась и, стоило ей переступить порог, закрылась снова, хотя она не успела заметить того, кто исполнял обязанности янитора.¹⁵⁷ Ее сопровождала одна лишь Сабина; решив, по видимому, что после долгого и утомительного пути хозяйка прежде всего захочет совершить омовение, она провела ее в аподитерий (этим греческим словом обозначалась комната для раздевания). Однако, оказавшись там, Актея, все еще до глубины души взволнованная и озабоченная странной прихотью судьбы, заставившей ее последовать за властителем мира, села на скамью, тянущуюся кругом всей комнаты, и сделала Сабине знак подождать. Но едва она погрузилась в свои думы, как вдруг, словно невидимый могущественный господин, которого она себе избрала, побоялся, что эти думы захватят ее целиком, раздалась нежная звучная музыка. Нельзя было понять, откуда исходят эти звуки: музыканты разместились так, что вся комната была охвачена гармонией. Должно быть, Нерон заметил, какое сильное воздействие оказывают эти таинственные звуки на юную гречанку (за время путешествия он наблюдал это не один раз), и заранее приказал таким образом отвлекать ее от воспоминаний, стремясь побороть их власть над нею. Если он действительно рассчитывал на это, то не обманулся в своих ожиданиях:

¹⁵⁷ Янитор – привратник в Древнем Риме.

едва девушка услышала звуки музыки, она медленно подняла голову, слезы, лившиеся по щекам, иссякли, а последние слезинки, выкатившиеся из ее глаз, на миг повисли на длинных ресницах, как капли росы на тычинках цветка, и, как роса под лучами солнца, казалось, вскоре высохнут в пламенном сиянии взгляда, что они затуманили. В то же время побледневшие губы девушки снова окрасились пурпуром и приоткрылись как для улыбки или для поцелуя.

Тогда Сабина приблизилась к госпоже, а та, вместо того чтобы сопротивляться, сама помогла рабыне снять с себя одежды; одна за другой они упали к ее ногам, оставив ее обнаженной и зарумянившейся, словно целомудренная Венера. Она предстала в блеске такой совершенной и такой непорочной красоты, что даже рабыня, глядя на нее, замерла от восторга. Когда Актея, желая пройти в следующую залу, оперлась рукой на обнаженное плечо Сабины, она почувствовала, как та содрогнулась всем телом, и увидела, как к ее щекам на мгновение прихлынула кровь, будто их коснулось пламя. Актея отняла руку, испугавшись, что причиняла боль своей юной прислужнице. Но та, поняв причину ее замешательства, тут же схватила руку хозяйки, снова положила ее на свое плечо и вместе с Актеей вошла в тепидарий.¹⁵⁸

Это было просторное квадратное помещение; посреди него раскинулся бассейн с теплой водой, обширный, как озе-

¹⁵⁸ Тепидарий – в римских банях теплое помещение, где не мылись, а только прогревались.

ро. Юные рабыни в венках из осоки, нарциссов и кувшинок резвились на поверхности водоема, как стайка наяд. Едва завидев Актею, они сразу же подтолкнули к тому краю бассейна, что был ближе к ней, огромную раковину из слоновой кости, выложенную кораллом и перламутром. Волшебные впечатления так быстро следовали друг за другом, что Актея предалась им, словно чарующему сну: она забралась в это хрупкое суденышко и через мгновение оказалась посреди воды, как Венера, окруженная своей морской свитой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.